

Виктор фон Хаген

ЗАГАДКИ И ТАЙНЫ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

АЦТЕКИ, МАЙЯ, ИНКИ

Великие царства
древней Америки

Виктор фон Хаген

**Ацтеки, майя, инки. Великие
царства древней Америки**

«Центрполиграф»

фон Хаген В.

Ацтеки, майя, инки. Великие царства древней Америки / В. фон Хаген — «Центрполиграф»,

В книге известного американского этнолога Виктора фон Хагена представлена история ацтеков, майя, инков. Хаген выделяет и подвергает подробному анализу наиболее важные этапы формирования этих культур, от зарождения и динамического развития до момента их падения. Автор охватил все стороны практической и духовной жизни народов солнечных царств. Легко и увлекательно ученый рассказывает о том, как они вели хозяйство, занимались ремеслами, заключали браки и воспитывали детей, об их религиозных верованиях и кровавых жертвоприношениях, о способах ведения войны и оружии, о системе налогообложения, о преступлениях и наказаниях...

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
АЦТЕКИ	16
Глава 1	16
Об исследователях-археологах и о времени	16
Место действия	20
Год Испанца	23
Появление человека в Америке	26
Доацтекские культуры	31
Глава 2	43
Происхождение ацтеков	43
Внешний вид	45
Язык	48
Родовая община – сообщество ацтеков, совместно владеющих землей	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Виктор фон Хагена

Ацтеки, майя, инки. Великие царства древней Америки

Существует ли такая вещь, как беспристрастная история? И что такое история? Письменное изложение миновавших событий. Но что такое событие?.. Это выдающийся факт. И как же отличить исторический факт выдающийся от заурядного? Он решает это произвольно, в соответствии со своим характером или пристрастиями, по собственному вкусу и воображению – словом, как художник...
Анатоль Франс. Сады Эпикура

ВВЕДЕНИЕ

Когда известия о подвигах Кортеса в Мексике в 1519–1521 годах внезапно обрушились на мир, европейское общество уже почти забыло о существовании Америки. Это и понятно. За все годы, прошедшие со времени открытия Америки, она лишь плодила ложные надежды. Ожидалось, что новые продукты в изобилии польются из «края пряностей», чтобы скрасить однообразие стола европейцев. Прикрепленные к стенам листки объявляли об открытиях, а книги рассказывали о «радостных вестях из недавно открытого Света», «о редкостных и неповторимых свойствах разных трав, деревьев и растений, масел и камней...». Даже первооткрыватель всего этого, Христофор Колумб, отныне адмирал морей и океанов, лишь подпитывал эти иллюзии, рассказывая без удержу о золоте, рубинах и серебре, которые там можно было найти в большем изобилии, чем в «копях царя Соломона».

В предвкушении возможных богатств соглашение, достигнутое между Испанией и Португалией вскоре после открытия Америки, разделило ее с благословения римского папы. Как можно понять из свидетельств современников, вся Европа затаив дыхание ждала, что вот-вот откроется рог изобилия. Но это открытие оказалось в лучшем случае робким: португальцы едва затронули Бразилию, а испанцы в первое двадцатилетие (после первого плаванья Колумба) ограничились небольшим клочком Панамского перешейка и Антильскими островами. Здесь, однако, ничего не было обнаружено из богатств, столь высоко превозносимых первооткрывателями. Европейцы сбросили Америку со счетов как еще один пример бахвальства испанцев – пока в Севилью 9 декабря 1519 года не прибыл первый корабль с сокровищами из Мексики.

Его прибытие вызвало колоссальную сенсацию. Для сопровождения сокровищ Кортес прислал с мексиканского побережья четырех причудливо одетых тотонаков, а в золотой сокровищнице были колокольчики и драгоценные камни, серьги и украшения изящнейшей работы, украшения из перьев, вставленные в драгоценные камни; были даже «книги, которыми пользуются индейцы». Но более всего потрясло очевидцев золотое колесо два метра в диаметре, толщиной в «четыре реала» – ацтекский календарь из цельного золота со странными узорами, выбитыми на манер чеканки. Из дошедших до нас документов можно представить, какое волнение испытали те, кто впервые увидел эти сокровища.

Они так потрясли Карла I Испанского, что он взял их с собой в Гент, на свою родину, дабы поразить своих вассалов этой демонстрацией нового испанского богатства. Альбрехт Дюрер, повидавший эти мексиканские сокровища в Брюсселе, писал о них в своем дневнике (27 августа 1520 года): «...Я никогда доселе не видел ничего, что так порадовало бы мое сердце...» Дюрер происходил из семьи ювелиров, и ему были известны приемы этого ремесла; будучи

выдающимся представителем Ренессанса, он повидал в Европе много предметов искусства. «Я видел вещи, привезенные королю из новой *золотой земли*... солнце целиком из золота, шириной целый фатом; а также луну полностью из серебра, столь же большую... а еще две комнаты, полные всевозможным оружием, доспехами и прочим чудесным вооружением, которое *прекраснее всякого чуда*... вещи эти столь драгоценны, что оцениваются в 100 000 гульденов. Я видел среди них такие поразительные художественные изделия, что удивился мастерству этого народа в тех далеких странах. Воистину я не могу подобрать слов для описания вещей, виденных мною...»

Итальянский гуманист Пьетро Мартире д'Ангьера не мог остановиться, говоря о двух книгах «из тех, что в ходу у индейцев». Он был «охвачен изумлением», ибо для него эти «книги» являлись более важным показателем уровня новой цивилизации, нежели золото. «Индейцы золотой страны пишут книги, – указывал он в письмах к другим гуманистам, анализируя своеобразие книг и иероглифов, – которые почти напоминают древнеегипетские... среди изображений людей и животных есть цари и знатные люди... так что можно предположить, будто они сообщают о свершениях друг друга...»

К сожалению, пока ученый люд вел споры о цивилизации ацтеков, размышляя о ее происхождении, она уже шла к своей гибели и уничтожению. Новые тысячи ацтекских изделий из золота, присланные испанскому королю в качестве его доли добычи (одной пятой по договору), были переплавлены, а из них были отчеканены монеты в уплату огромных долгов Карла I (V), порожденных европейскими войнами. Предметы ацтекской культуры погибли в период Конкисты. В ходе взятия Теночтитлана ацтекская столица была полностью разрушена. «Один из красивейших городов мира», – писал Кортес, и его глаза затуманивали притворные слезы. В конце концов то, что осталось от памятников ацтекской архитектуры, было разобрано победителями на постройку церквей и особняков, а то, что не уничтожил человек, было разрушено безжалостным временем.

Спустя шесть лет, в 1527 году, под угрозой завоевания оказались и майя: Франсиско де Монтехо, будущий завоеватель, обещал своему сеньору, Карлу V, больше золота, чем тот получил в качестве одной пятой от ограбления Центральной Мексики. В ту пору Карл V жестоко нуждался в средствах; он вновь находился в состоянии войны, на сей раз с Францией; к тому же турецкий султан Сулейман (Сулейман I Кануни, в европейской историографии Великолепный, 1495, правил в 1520–1566. – *Ред.*) захватил Будапешт и угрожал Вене. В тот момент испанскому двору было не до того, что происходит в Америке.

Завоевание майя началось плохо. Золота было добыто мало, поскольку у самих майя его не было. По завершении завоевания и грабежа последовало рабство. Те из вождей и жрецов, «среди которых процветала ученость» и которые не были перебиты, нашли спасение в бегстве либо в молчании. В Европе так и не увидели ни одной «книги» майя, а поскольку золота как стимулирующего фактора было мало либо вовсе не было, ученые круги Европы так и не получили никаких сведений о чудесно спланированных каменных городах, возведенных майя.

Новые испанские города были возведены из камней с развалин майя; неразрушенные майяские храмы были снесены и пошли на стройматериал для испанских церквей, особняков и административных центров. Т'хо, древний город майя, стал Меридой, столицей Юкатана, «по причине уникальности своих построек», размеры которых, как писал один испанец в 1550 году, «наполняют зрителя изумлением». В качестве строительного материала города майя, как полагал епископ Диего де Ланда, «едва ли когда-нибудь совершенно иссякнут». Но они «иссякли» за двадцать лет. Те же постройки майя, которые устояли перед разрушительным воздействием человека, медленно зарастали тропической растительностью, пока со временем все эти величественные города не исчезли полностью.

Перу, истинное царство золота, возникло на горизонте как раз тогда, когда цивилизация майя была уже на последнем издыхании. Его завоеватель Франсиско Писарро, умудренный

годами (р. между 1470 и 1475. – *Ред.*), необразованный, но сильный духом и полный коварства, посулил королевскому двору повторение золотого века. Иоанна Безумная, пустоголовая мать Карла V, собственноручно подписала его контракт на открытие и завоевание. (Считается, что патент на завоевание дал лично Карл I (V). – *Ред.*)

16 мая 1532 года Писарро выступил от побережья Перу в глубь страны с 130 пешими солдатами и 40 всадниками (личная охрана Атауальпы насчитывала около 5 тысяч отборных воинов, еще 70–80 тысяч находилось поблизости. – *Ред.*) по королевской дороге инков на поиски столицы золотого царства. В пестрой истории человечества не явилось ли это самым донкихотским из предприятий – 170 человек против трех миллионов, 170 человек, устремленных к завоеванию того, что в то время являлось величайшей империей в мире? Последствия известны каждому школьнику – как решительный Писарро хитростью (и беспримерной наглостью и храбростью, перебив 3 тысячи индейских воинов. – *Ред.*) захватил верховного инку Атауальпу, окруженного 30 тысячами воинов, и в течение получаса – несомненно, едва ли не самого известного получаса в истории – подчинил себе всю его империю. (Не все так просто, как у автора, – на пути к столице инков Куско Писарро выдержал 4 сражения. – *Ред.*)

9 января 1534 года галеон «Санта-Мария-дель-Кампо» бросил якорь в Севилье. Тамошние чиновники, полагавшие, будто повидали почти все, что только можно было, за те удивительные годы, не могли охватить взглядом сокровища, лежавшие перед ними: золото и серебро лежали грудями на пристани, слиток на слитке, каждый из которых был отмечен королевской печатью. Отдельная опись для короля содержала перечень предметов столь прекрасных, что никакой даже самый очерствевший конкистадор в Перу не осмелился предать их переплавке, – тридцать четыре золотых кувшина, золотой кукурузный початок, два золотых блюда, человекообразный идол в натуральную величину, свыше ста серебряных предметов, среди которых самый большой весил свыше 75 кг. Никогда еще в истории столь большое число слитков не поступало в Европу одновременно. Его было достаточно, чтобы вернуть золоту и серебру статус сырья для чеканки монет. Впечатление, произведенное этим кораблем, полным сокровищ, на человеческое воображение, так и не изгладилось; даже сегодня в Италии, говоря о чем-либо, обладающем фантастической ценностью, говорят «перуанский».

В тот «золотоносный» момент у Карла V были более серьезные заботы. Он предпринимал завоевание Туниса, так что корабли, солдаты и деньги являлись для него первой необходимостью. На сей раз он даже не взглянул на сказочные золотые украшения. Он сделал то, что по инстинктивным эстетическим соображениям не осмелился сделать ни один, даже самый циничный из его подданных; он приказал все сокровища инков переплавить в слитки. Из английской тонны (1016,047 кг. – *Ред.*) оригинальных золотых изделий, составивших выкуп верховного инки, ни единого предмета сегодня в Испании не существует.

Вместе с этим завоеванием живая душа всего перуанского была навсегда утрачена. Физические остатки этой грандиозной цивилизации, здания и храмы различной формы и назначения, протянувшиеся на две тысячи миль вдоль хребтов Анд и побережья, разделили судьбу завоеванной страны. Те, что не были уничтожены тогда, были разрушены междоусобными войнами, разгоревшимися между конкистадорами на развалинах империи инков. В стране инков, как и в случае с ацтеками и майя, христианские церкви возводились либо из материала древних индейских храмов, либо поверх них; дома инков сносились, чтобы получить камень для постройки усадеб, на руинах возводились также и административные здания. В опустевшем краю пришла в упадок и система дорог, почти такая же добротная, как в Римской империи. (Сеть дорог в империи инков имела протяженность 20 000 км, а две главные дороги пересекали всю страну с севера на юг – вдоль побережья океана и вдоль восточных рубежей. – *Ред.*) Перевалочные пункты для отдыха, *тампу*, стоявшие вдоль всех дорог, сровнялись с землей, а подвесные мосты, протянувшиеся над уступающими каньонами по всем маршрутам, сгнили

и обрушились. Искусно сделанные оросительные каналы, доставлявшие воду для орошения пустынь, были заброшены. Землю вновь засыпал песок.

Среди испанцев было немало таких, кто сожалел об уничтожении индейских культур. Отчеты, именовавшиеся *relaciones*, составлялись в таком количестве, что заполнили целое крыло библиотеки в Эскориале (иначе Эскуриал, резиденция испанских королей, дворец-монастырь, построенный в 1563–1584 годах близ Мадрида для Филиппа II. – *Ред.*). Но книга, чтобы быть опубликованной в то время, нуждалась в получении *privilegio* – разрешения, свидетельствующего о том, что она одобрена властями, гражданскими и церковными, – а затем ей предстояло пройти целый спектр инстанций: Королевский совет, Святую палату инквизиции, Совет Индий, Королевскую торговую палату и др. Такова была одна из причин, по которым эти рукописи не публиковались до середины XIX века. Таким образом, без постоянного потока литературы, знакомящей с этими культурами, ацтекская, майяская и инкская цивилизации для большей части человечества были фактически стерты из памяти.

И только век разума принес с собой возрождение интереса к археологии Америки. Притягательность древности началась с почитания природы, а «почитание природы», как однажды заметил Олдос Хаксли (1894–1963, английский писатель. – *Ред.*), «явилось следствием хороших средств сообщения. В семнадцатом столетии ни один здравомыслящий человек не любил дикой природы». Перемены пришли, когда французы стали прокладывать дороги поверх римских, так что знатные люди смогли путешествовать и «взирать на дикую природу с удобствами и без серьезного риска... Поэты откликнулись на приглашение инженеров... и зов древности приобрел поэтический ореол».

Поводом послужили Помпеи, а искрой – Бурбоны; и родились знание и интерес к архаике, то есть к археологии. В ночь на 24 августа в 79 году н. э. началось извержение вулкана Везувий, и через трещины в кратере потекли потоки лавы. Она покрыла все близлежащие окрестности, сжигая среди других городков и те, что побольше, Помпеи и Геркуланум. (Лава не достигла Помпей и Геркуланума. Они были погребены под слоем вулканического пепла, подобного дождю и к вечеру 25 августа достигшего толщины 4 м. – *Ред.*) В 1748 году Карл IV Неаполитанский (мать его была из рода Фарнезе) повелел итальянскому инженеру, состоящему у него на службе, начать раскопки Помпей. Под вулканическим пеплом он обнаружил хорошо сохранившиеся дома и окаменевшие тела людей (были найдены пустоты, повторявшие формы истлевших тел, после заполнения таких пустот гипсом получались слепки тел погибших римлян. – *Ред.*), застывших в естественных позах, словно остановленных во время бегства. Целый сохранившийся город выходил на свет из прошлого. Сообщения об этой деятельности, вместе с демонстрацией в музее Карла IV предметов, найденных при раскопках в Помпеях, привлекли в Неаполь толпы образованных людей. Пиранези (1720–1778), великий гравер древностей, создал первое изображение раскопанных Помпей, художники запечатлевали памятники древнего города, а Винкельман (1717–1768), «отец археологии», вдохновился на публикацию «Истории искусства древности» (1764, основной труд ученого. – *Ред.*).

Поиски древностей сделались королевской страстью. Мода и страсть к этому занятию перекинулись на почву Америки, и после того как тот же Карл Неаполитанский стал Карлом III, королем Испании, он проявил свой интерес к науке, покровительствуя ботаническим и археологическим исследованиям. В 1773 году были открыты развалины города майя Паленке, лежавшие в непроходимых тропических лесах нынешнего штата Чьяпас в Мексике. Их открытие привлекло личное внимание короля. Он приказал своим чиновникам тщательно исследовать руины, сделать рисунки и сохранить все найденные памятники материальной культуры, чтобы они смогли лечь в основу «Древней истории Америки». Итальянских ученых отправили из Испании в Мексику разыскивать древние документы, дабы подготовить такую историю. В 1777 году мексиканец Антонио Альцате обнаружил развалины Шочикалько; а через несколько лет, в 1790 году, во время раскопок, предпринятых для переделки фундамента кафедрального

собора в Мехико, рабочие наткнулись на гигантский монолит – ацтекский каменный календарь. Высеченный из единого куска вулканической породы трахита, он имел восемнадцать футов в диаметре; в центре его было большое скульптурное изображение Тонатиу, бога солнца; по внешнему кругу располагались символы календарных дней. В прежние времена архиепископ приказал бы все это разбить и пустить на камень для постройки церкви; теперь же календарь в целости был доставлен в музей.

Его открытие все еще служило предметом для пересудов в Мексике, когда в 1798 году пришли вести о вторжении Наполеона в Египет. Тридцатитысячную армию полководца сопровождали 175 известнейших французских ученых, которым предстояло, после военного завоевания, исследовать египетское искусство и историю. В ходе этой экспедиции французские инженеры в 1799 году близ города Розетта (ныне г. Рашид) в дельте Нила обнаружили черную базальтовую плиту, на которой были вырезаны египетские тексты тремя различными шрифтами: иероглифическим, иератическим и демотическим. Даже в разгар Наполеоновских войн люди усиленно размышляли над этим Розеттским камнем. Они полагали, и, как показало время, справедливо, что эта резьба на базальте хранит ключ к расшифровке древнеегипетских текстов.

В Мексике те, чьим занятием было изучение древности, надеялись и считали, что ацтекский каменный календарь сам по себе может оказаться разновидностью Розеттского камня; подобные рассуждения еще бытовали, когда 18 апреля 1803 года в город Мехико прибыл Александр фон Гумбольдт. Уже широко известный – его письма к ученым коллегам в Париже были опубликованы в различных журналах – Гумбольдт с 1799 года путешествовал и проводил исследования в Южной Америке со своим другом, Эйме (Хайме) Бонпланом, ботаником и врачом. Испанский вице-король, Хосе де Итурригарай, лично приветствовал Гумбольдта и заявил, что, поскольку Гумбольдт имеет предписание короля Испании, все, что он пожелает увидеть в Мексике, должно быть предоставлено в его распоряжение.

Гумбольдт по праву заслужил признание за свой обширный вклад в ботанику, географию, геологию, астрономию, геофизику, метеорологию, океанографию и зоологию; но его вклад заключал в себе и нечто большее. Это Гумбольдт поместил американские культуры в центр общественного внимания. Годы исследований в обеих Америках научили его тонкому чутью отбора. Он успешно собирал коллекцию по всей стране, и знатоки в Америке доверяли ему свои коллекции. Позже, возвратившись в Европу, Гумбольдт в поисках дополнительного материала исследовал библиотеки Ватикана, Берлина, Парижа, Вены и Дрездена. В конце концов великий ученый обосновался в Париже и начал публиковать свой знаменитый труд «Путешествие по тропическим областям Нового Света, совершенное в 1799–1804 гг.»¹ в тридцати томах, иллюстрированный 1425 медными гравюрами, – результат пятилетних исследований. Том, посвященный американской археологии, составил один большой фолиант и был опубликован в Париже в 1810 году под названием «Vues des Cordilleres et Monuments des Peuples Indigenes de L'Amerique». Гумбольдт впервые представил миру панораму древней истории Америки, показанную, как никогда прежде, в рисунках инкских зданий, выполненных в масштабе. В книге были изображения каменных календарей из Колумбии, ацтекские скульптурные барельефы, цветные гравюры страниц из Дрезденского кодекса майя; рисунки ацтекского каменного календаря с подробными объяснениями, и многочисленные иллюстрации из рукописей ацтеков, сапотеков и миштеков с научными комментариями. Под влиянием такого внушительного авторитета, как Гумбольдт, в Америке стали видеть цивилизацию, а искусство американских индейцев заняло место среди других высокоразвитых культур. Этот том за восемь лет переиздавался четыре раза.

¹ «Voyage aux regions equinoxiales du nouveau continent».

Именно агония романтизма остановила возрождение интереса к американской археологии. То было время культа всего живописного: художники усеивали свои холсты развалинами, бурными потоками и темными, густыми лесами. Язык обрел высокопарность, а люди окружали себя легкой меланхолией. То было время страхов и падающих в обморок дам. То был век, породивший виконта Кингсборо.

В трудах виконта Кингсборо археологическая литература обрела псевдонаучный тон. Археология сделалась мистичной, религиозной и иррациональной. Она отняла у Америки то, что она имела, и дала ей то, чего в ней никогда не было. Американские индейцы, как следовало из тезиса, были не индейцами, а их культура – не их культурой. Она была средиземноморской. Она была еврейской. А постройки, обнаруженные по всей Америке и описанные Гумбольдтом, будто бы были делом рук скитавшихся племен Израилевых. То, что американские индейцы на самом деле евреи, в действительности было старой темой, муссировавшейся давно. На протяжении веков выдвигались предположения о судьбе 27 290 израильтян (точное число – предмет дискуссий. – *Ред.*), уведенных Саргоном Ассирийским в 722 году до н. э. Когда был открыт Новый Свет, церкви пришлось как-то объяснять присутствие индейцев, и поэтому она ухватилась за эту теорию. Высказывалось немало догадок, и даже столь здравомыслящий человек, как Уильям Пенн, сказал, поглядев на туземцев впервые: «Мне показалось, что я нахожусь в еврейском квартале Лондона».

Именно Кингсборо сделал из этой сущей чепухи антропологический факт. В 1795 году Кингсборо был уже немного с чужинкой, и последующие годы, когда он стал студентом Оксфорда, не развеяли его мистического умонастроения, так что, едва он увидел образец пиктографического письма ацтеков, его воображение пробудилось, и он решил посвятить свою жизнь доказательству некоей «теории». В конце концов он отказался от своего места в палате лордов, широко раскрыл свой кошелек и потратил свое состояние на коллекционирование материалов по культуре ацтеков и майя. Первый том «Древностей Мексики» был опубликован в 1830 году, но к тому моменту, когда последний из восьми томов вышел в свет в 1848 году, то была уже посмертная публикация. Виконт Кингсборо, третий граф Кингстон, умер в долговой тюрьме, будучи не в состоянии заплатить по счетам за бумагу. Что касается самого текста этого труда – мешанины из греческого, иврита, латинского и санскрита, – форма его может показаться логичной, но суть его представляет собой полный беспорядок. В нем имелись попытки подгонки фактов под предвзятые идеи, а призывы к научной точности должны были скрывать отсутствие научной методологии. В «Древностях Мексики» безусловная абсурдность соединилась с невообразимой нелепостью.

Подобные взгляды были все еще в ходу, когда в 1840 году Уильям Х. Прескотт начал писать «Историю завоевания Мексики». Немногие верили тогда в то, что ацтеки возвели те постройки, которые им приписываются; немногие принимали тот факт, что американские индейцы когда-либо были способны создать цивилизацию, описанную первыми испанцами. Поэтому Прескотт обратился к оригиналам – неопубликованным документам, которые лежали в испанских архивах. Доказательства, собранные в появившейся в 1843 году книге «Завоевание Мексики», были столь обширными, а стиль повествования столь впечатляющим, что Прескотт одной этой книгой сумел вернуть Америку индейцам. В то же время его друг, Джон Ллойд Стивенс (Стефенс), юрист из Нью-Йорка, «из соображений здоровья» совершивший путешествия по Египту, Аравии, к Петре (Петра – древний город, ныне в Иордании. – *Ред.*), в Польше и России, тогда исследовал Центральную Америку и способствовал сбору фактических доказательств. Сам Стивенс обладал умом, чувствительным к нюансам явлений, и бойким пером. С помощью этих данных, к которым добавились широкие исследования регионов, в которых обитали майя, он заложил прочную основу для изучения доколумбовых культур Америки. Его спутником был архитектор Фредерик Катервуд. Катервуд принимал участие в нескольких первых английских экспедициях в Египет, и, уйдя с головой в искусство Старого Света, он был

готов к тому, чтобы оценить открытия, совершенные в Новом Свете. Его точные зарисовки с нотками драматизма, свойственными Пиранези, чудесно иллюстрировали текст Стивенса; вместе они стали авторами публикаций, которые в то время жадно читались, а время превратило их в классику археологии; «Эпизоды из путешествия по Центральной Америке» (1841) и «Эпизоды из путешествия по Юкатану» (1843) даже в настоящее время продолжают переиздаваться.

Научная база была заложена. Отныне было установлено, что американские индейцы были строителями городов, располагавшихся повсюду в Новом Свете. Прескотт подробно описал их историю, основываясь на документах; Стивенс дал общее представление о цивилизации майя во всей ее целостности. И безусловно, за этим последовал бы значительный прогресс, не вмешайся доктрина «Божьего промысла». Быстро сменяя друг друга, произошли следующие события: оккупация Техаса (мексиканский Техас был захвачен в 1845 году, после того как постепенно заселявшие его американцы в 1836 году подняли мятеж и объявили Техас «независимым» от Мексики. – *Ред.*), война с Мексикой (1846–1848) и последовавшие отторжения более половины ее территории – нынешние штаты США Калифорния, Невада, Юта, Аризона, Колорадо, Нью-Мексико. («Пока я описывал завоевание Перу, – заметил Прескотт, – мое правительство осуществляло завоевание Мексики...») А вслед за этим началась лихорадка в связи с только что найденным золотом и устремление на обширные пустующие земли на Западе, взлет железнодорожных империй и мечты о канале, который соединил бы океаны, – все это на годы отодвинуло то, что могло бы стать естественным развитием интереса к археологии. Затем началась Гражданская война (между Севером и Югом США, 1861–1865) с ее естественными последствиями для всего, что не носило чисто военный характер. А когда Европа осуществила свое политическое вмешательство, посадив императором Мексики на древних землях ацтеков и майя Максимилиана (имеются в виду события 1861–1867 годов и короткое царствование Максимилиана Габсбурга, преданного, взятого в плен и расстрелянного. – *Ред.*), это повлекло за собой годы войн, которые сделали земли древних солнечных царств местом, едва ли подходящим для археологов.

Что касается инков, они все еще пребывали погребенными в историческом забвении. Перу располагалось в краю заката, вдали от Европы и Северной Америки, и все, что было известно об истории этой страны, заключалось только в литературе. Но с тех пор, как Уильям Прескотт опубликовал свою «Историю завоевания Перу», такого рода историческая литература стала приобретать внушительный размах. Испанские ученые, потрясенные тем, что полуслепой бостонский юрист, который никогда не бывал в Перу (как, впрочем, и в Мексике), написал эпическое произведение о действиях Испании в Америке, то самое, что надлежало бы написать им, принялись после этого публиковать горы документов, лежавших в их архивах.

Именно с Альфреда Модсли в 1880 году начался современный этап американской археологии. Один француз столкнулся с Модсли в джунглях Чьяпаса, где тот только что обнаружил развалины майяского города Яшчилана. Француз был вне себя от гнева, лишившись права первооткрывателя. Модсли успокоил его, сказав: «То, что я опередил вас, – всего лишь случайность... вам не следует опасаться меня, ибо я всего лишь любитель, путешествующий ради собственного удовольствия...» Но именно исследования Модсли, его раскопки и записи всех известных на тот момент текстов майя (на памятниках и зданиях) дали ученым всего мира прочную основу, на которой можно было приступить к разгадке тайны иероглифов майя. Модсли стал духовным последователем Джона Ллойда Стивенса. Не испорченный английскими елейно-лицемерными принципами, он был скромнее до невозможности; о нем лично так мало известно, что писатели именовали его на разные лады «сэром», «лордом» и «доктором», хотя он не являлся ни тем, ни другим, ни третьим. Такой дефицит биографических данных свидетельствует о том, насколько скрытен он был на самом деле. Превосходные гипсовые слепки с рельефных надписей майя, сделанные им в джунглях, пролежали в неизвестности много лет,

пока не были извлечены на свет божий, составив экспозицию так называемого Зала Модсли в Британском музее. На долю Модсли выпало мало почестей, и только в 1925 году Кембриджский университет с запозданием удостоил его почетного звания.

После публикаций Модсли интерес к цивилизациям ацтеков, майя и инков оживился. Если ни один человек не является своего рода «островом», по той же причине не является островом и культура; археологов многих стран привлекли эти забытые цивилизации, и каждый из них по-своему, в соответствии с интеллектуальными традициями своей родины, внес собственный вклад в общее дело. Открывались все новые и новые забытые города; и проблем, которые порождало каждое новое открытие, становилось все больше, и они становились все глубже по мере того, как увеличивалось количество литературы.

Одно возникало из другого. Это сразу же стало ясно археологам, когда они начали снимать один за другим слои накопившейся земли; они обнаружили, что одна цивилизация лежит поверх другой. Разумеется, это не всегда происходило в точной последовательности, предлагаемой устными преданиями, но все же это было совершенно ясно. Цивилизации, с которыми белый человек впервые столкнулся в Новом Свете, явились кульминацией многих веков культурной эволюции. Где бы ни работали археологи, каждое открытие, подобное обнаружению перемешанных костей человека и вымерших млекопитающих, все дальше отодвигало человека вглубь, к горизонту времен. Из-за самой природы материала, с которым работали археологи, эти исследования становились все сложнее и приобретали определенную направленность. Пришлось привлечь астрономов, чтобы определить, как майя без помощи инструментов наблюдали бесконечные небеса и как им удавалось весьма точно вычислять движение планет. Специалисты в области сельского хозяйства изучали распространение маиса, который, по крайней мере в Центральной Америке, являлся пищевой базой древних культур. Географы, изучающие распространение растений, путешествовали по этим богатым зеленью краям, чтобы узнать, каким образом ботаника содействовала подъему ранних американских культур. Геологи были привлечены, чтобы определить, чем нефрит майя отличается от китайского. Специалисты по физической и социальной антропологии измеряли и вычисляли, взвешивали и делили тело и душу индейца, а также оценивали его физические возможности в отношении голода и любви.

Что, в конце концов, представляет собой этот поиск древнего человека в обеих Америках? Это по сути своей огромная и увлекательная тайна. При отсутствии письменных документов, подобных тем, что встречаются в Старом Свете, что же мы имеем для продолжения поиска? Мы имеем множество странных на слух названий: тольтеки, миштеки, чибча, купиниске. Есть у нас и масштаб – просторы Американского континента. У нас есть загадочный сюжет; кто был этим Пернатым Змеем – богом, культ которого охватил всю Мексику? Почему майя внезапно покинули сотни своих городов? Почему инки и майя не знали о существовании друг друга? У нас есть ключи к разгадке, из которых можно делать логические выводы и которые вполне могут поставить в тупик самого Шерлока Холмса. И постоянно присутствует новизна: обнаружение гробниц, вроде мавзолея бога-воина в прекрасно отделанном подземном святилище в Паленке, где гробнице быть не полагалось; или обнаружение варварски прекрасных настенных росписей – таких, как в джунглях в Бонампаке, росписей, которых не видел ни один человек с тех пор, как люди покинули эти места тысячу лет назад. Больше чем тайна – сам поиск является еще и мечтой... мечтой всякого археолога о том, что когда-нибудь в священной лесной тиши он обнаружит дворец, город, руины, дотоле не виданные ни одним исследователем. Таков основной человеческий инстинкт, ибо жизнь существует ради чего-то нового. Поэтому в археологии присутствует тревога ожидания; она сочетает в себе волнение охотника за сокровищами с романтикой. Глиняные черепки и мумии, камни и скелеты – все они являются путеводной нитью в истории культуры.

Каждый метод, предлагаемый наукой, используется археологом. Его работа требует тяжелых раскопок, изучения столь неромантических вещей, как форма кухонных горшков, или

интерпретации противоречивых сведений о последовательности временных циклов. Из таких мелочей часто складывается археологическая история. Само по себе это не представляет увлекательного чтения. Высокая романтика исследования утрачивает часть тайны, а вместе с ней и налет напряженного ожидания, пока археолог очищает, восстанавливает и систематизирует свой материал. В этом состоит нудная часть дела. «Археолог, – как утверждал покойный доктор Эрнест Хутон, – в душе остается романтиком».

Не будет ли слишком большим требованием к исследователю, чтобы тот занимался археологией без слез? Способен ли он выдержать монотонность раскопок, будь то в джунглях, пустыне или высокогорных Андах, а потом собрать воедино все найденное, эти ничтожные мелочи, которые являются всем, в книгу столь волнующую, что любой сможет постичь весь путь народов, лишенных истории, без напряжения? Из самой природы всего материального вытекает, что главный предмет – *человек* – имеет тенденцию исчезать по мере того, как исследователь все больше и больше погружается в различные данные, которые обнаруживаются в ходе раскопок. Например, так как керамика в своей стилистике действительно отражает течение времени, много труда уделяется именно ей.

Что бы ни появилось на страницах этой книги, вся эта история народов, принадлежащих к трем цивилизациям, составившим солнечные царства Америки, во многом опирается на техническую литературу такого рода. Предметом здесь, однако, является не археология, а история человека, рассказанная с помощью археологии. Сэмюэль Джонсон Расселс, размышляя над многочисленными постройками Древнего Египта, сказал нечто, по сути своей определяющее тему настоящей книги: «Мое любопытство не очень влечет меня к исследованию куч камней или земляных курганов; *меня интересует человек...*» И именно человеку – ацтеку, майя и инке – посвящена эта книга, его образу жизни, способам социальной организации, его пище, торговле и средствам коммуникации, войне и религии и, прежде всего, его слабостям и достижениям. Предмет изучения этой книги – человек. Не всегда легко писать о доисторических народах как о людях, так как все, что нам осталось, – это их искусство; и, хотя это искусство открыто рассказывает нам о древних людях, едва ли что-нибудь другое может его существенно дополнить. По этой причине искусству в археологии и отводится такое важное место. Куда легче, по словам одного знающего автора, сфотографировать храм или роспись, чем проанализировать нравственные убеждения народа или его политико-философские взгляды.

Однако, как объяснил один антрополог, существует некое психологическое единство, которое связывает людей. Человеческие существа, сталкиваясь с одними и теми же проблемами в одних и тех же климатических условиях, приходят к аналогичным решениям. Эти три современные друг другу цивилизации – ацтеки, майя и инки – к моменту появления белого человека в большей или меньшей степени находились в зените своего могущества. И все три имели между собой больше общего, нежели одно только поклонение солнцу. Все они были исконно американскими, и модели их социального и индивидуального поведения были основаны на сходстве моделей племенной организации. Инки, вероятно, пребывали в абсолютном неведении относительно существования двух других цивилизаций; однако они нередко действовали сходным образом.

Тот факт, что человек остается человеком и редко отступает от основ своего мировосприятия, несмотря на огромные достижения в развитии техники, остается великой загадкой для социологов (по прошествии столетий человек даже не добавил никакого восьмого греха к числу семи смертных грехов); и, чтобы объяснить эти три культуры их собственным языком, не нужно покидать пределов человеческой природы или изобретать новый словарь. То, что кажется новшеством, на деле оказывается старым как мир. Накрашенные губы женщин – это пережиток тех времен, когда лицо или тело покрывали краской, символизировавшей кровь, для защиты от неведомого; чистая вода в качестве очистительного средства известна множеству первобытных религий; вино Святого причастия – это не что иное, как заменитель

крови, а вкушение Тела Господня присутствует во всех первобытных обрядах, включающих ритуальный каннибализм.

Любовь и голод являются осью, на которой держится мир. Они являются главными желаниями людей, и на каком бы этапе развития ни находилось человечество, оно вращается вокруг них. Романистка Жорж Санд видела мир сквозь призму любви и любовников, Оноре де Бальзак – сквозь призму голода, человеческого чувства самосохранения и размножения, сквозь призму алчности и скупости, лишений и воздержания, богатства и случая. Люди солнечных царств были движимы теми же чувствами. Тот акцент, который они делали на торговле и расширении сфер влияния, обнаруживает амбиции, которые мы вполне способны понять; и такие амбиции доминировали в их политике. Брак для них имел политическое значение – объединение двух могущественных племен или семей, и этот аспект их жизни нам вполне ясен. Война являлась первейшим средством их политики – улучшение условий жизни одного народа за счет другого; эту политическую доктрину мы, современники, способны легко понять. Религия представляла собой ряд обрядов и церемониалов, служивших способом склонить богов на сторону человека, чтобы облегчить его земную жизнь. Тот факт, что его боги имеют сходство с ними самими, лишь свидетельствует о том, насколько человеческими были ацтеки, майя и инки; наших богов, как и их богов, можно понять через то, как человек проецирует себя в вечность.

Эти народы воспринимали себя как центр Вселенной; все прочее вращалось вокруг них. И почему бы нет? Это заблуждение характерно для всего человечества. Но среди американских индейцев не было единства; едва ли они когда-либо смотрели на других индейцев как на своих братьев. Присвоив всем аборигенам Америки общее название «индейцы», мы навязали им формальное единство, какого они никогда не ощущали. Для них любое другое индейское племя, даже с соседней территории, было таким же чуждым, как и белый человек; поэтому враждующие племена и помогали испанцам разрушать свой собственный мир. Человеческие мотивы, подобные этим, имеют аналогии в нашей собственной цивилизации.

Назначение любого произведения искусства, будь то художественная литература, история, комедия или даже археология, заключается в том, чтобы помочь нам понять, почувствовать и даже насладиться духом того времени, к которому это произведение относится. Чтобы вызвать это «чувство», я попытался взвесить результаты научных исследований на весах собственного опыта. Сам я – если позволены личные ссылки – жил, зачастую в течение долгих промежутков времени, среди многочисленных индейских племен как их близкий друг. Я наблюдал за ними, изучал и оценивал их как людей; и использованная в этой книге литература, к которой я обращался, постоянно взвешивалась и оценивалась мной в свете этого опыта.

Я предпринял искреннюю попытку сохранить объективность, однако я знаю, что сказать так – значит слукавить; никто не может не оставить отпечаток собственных предрассудков и личных пристрастий в любого рода работе. Так что эта книга не лишена субъективности. Как может историк решать вопрос о том, что является, а что не является фактом? Он делает выбор в соответствии с собственным характером и индивидуальными особенностями, личным вкусом и воображением; словом, поступает так, как поступает художник. И все же я бродил по джунглям в течение трех десятилетий, ощущал постоянные укусы насекомых, прошел через все обычные там болезни, страдая от горной болезни, поднимался на перевалы и вершины в Андах, падал, сброшенный мулами, попадал в тюрьмы (как из-за недоразумений, так и из-за слишком хорошего взаимопонимания). Все это сказалось на остроте моих романтических эмоций: они сгладились от многочисленных трений в потоке жизни. Скажем, когда мне хотелось узнать о повадках птицы кетцаль (квезал, *Pharomachrus mocino*; вырвав перья, местные жители опускают птицу на волю, поскольку в неволе не выживает. – *Ред.*), этой необыкновенно красивой птицы, отдавшей свои длинные перья вождям майя, а имя – Пернатому Змею, я лазал по тропическим лесам, проведя в них шесть долгих месяцев – время достаточное, чтобы узнать о том, как эта птица живет. Я даже попытался поймать ее, чтобы получить какое-то пред-

ставление о том, каким образом майя удавалось поставлять ее перо в столь фантастических количествах, не доведя до исчезновения самого кетцаля. Когда встал вопрос об источниках бумаги у майя и ацтеков, я не удовлетворился лишь запахом библиотечной пыли, а отправился в джунгли собирать растения, из которых можно делать бумагу, и прошел через все физические лишения, обычные для подобного рода исследований. Микроскоп, история и библиотека лишь послужили подтверждением всего найденного. Таким образом, начиная с 1930 года, время от времени делая перерывы, для того чтобы что-то написать, и необходимые отступления для борьбы и романтических отношений, я отправлялся в многочисленные экспедиции, большие и малые, и пожил во всех краях, составлявших части солнечных царств Америки. Ни благородный дикарь, ни его антипод не повлияли на эти материалы. Здесь присутствует, конечно, предвзятость; однако мои разнообразные занятия в области этнографии, уводившие меня весьма далеко, предоставили мне некоторое знание местных условий – и мой отбор и интерпретация материала в определенном смысле являются квалифицированным *praejudicium* (предрешением вопроса).

Помимо литературы по археологии и истории, которая полностью представлена в библиографии и примечаниях, я прибегал ко многим другим средствам, чтобы найти фразы и краткие изречения и вывести авторов из области чистой археологии, снова поместив их в поток человеческой жизни. Я немало позаимствовал у первых хронистов для того, чтобы оживить и придать новую форму тому, что по понятным причинам показалось бы скучным, не придай я ему покров человечности, чтобы скрыть его голый археологический скелет.

Мне хотелось бы выразить свою благодарность множеству людей за то, что создание этой книги стало возможным, в особенности Роберту Вудсу Блисссу, который любезно позволил мне воспользоваться цветными иллюстрациями из его коллекции, посвященной ацтекам, майя и инкам; Виктору Уэйбрайту, председателю и издателю «Нью-америкэн лайбрэри», который дал толчок к написанию этой книги и предложил ее название; и издательскому коллективу «Уорлд паблишинг компани».

Виктор Вольфганг фон Хаген

АЦТЕКИ

Глава 1

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АЦТЕКОВ: ИСТОРИЯ И ГЕОГРАФИЯ

Об исследователях-археологах и о времени

Ацтеки, конечно, не называли себя «ацтеками». И совершенно точно у них не было империи. Более того, они так поздно появились в Мексике и играли такую незначительную роль, что, когда все-таки добрались до озер, на которых впоследствии вырос Мехико, ни одно из племен не заметило их появления. Их «цари» в действительности были лишь избираемыми «ораторами», и не существовало в природе «залов Монтесумы» (за исключением песни). Так что неверное представление о существовании «империи ацтеков» на самом деле не является фактом истории – так же как в реальности обстояло дело и со Священной Римской империей (которая не была ни священной, ни римской, ни империей).

И все же «теночки», прозванные ацтеками, были первыми из народов древних солнечных царств, которым суждено было стать известными миру и попасть в объятия Европы; и то сильное воздействие, которое это оказало на человеческое воображение, стереть невозможно; мы по-прежнему ведем речь об «ацтекской империи».

Как и почему это первобытное солнечное царство Америки попало в руки сравнительно немногочисленных конкистадоров, – старая история; однако, сколько ее ни рассказывай, она

не перестает удивлять. Это история о том, как «отважный Кортес» проложил себе путь в сердце Теночтитлана, захватил «царя» и заставил его принять *pax hispaniensis*².

Литература, посвященная ацтекам, просто ошеломляет. Кажется, нет ни одной сферы в их жизни, не подвергшейся изучению, анализу и описанию; их происхождение, история, похоже на ребусы письмен, религия и календарь изучаются снова и снова. Все, что сохранилось из их иероглифических текстов, опубликовано. Шаг за шагом ведутся раскопки на территории, по традиции считающейся территорией «империи ацтеков», и за ее пределами. С поистине удивительной скоростью на протяжении более двух десятков лет продолжают появляться хорошо документированные научные отчеты. На протяжении почти двухсот лет некоторые известные литераторы писали об ацтеках и их соседях – и когда все это, столь внушительное по своему количеству и качеству, охватывает взгляд лишь в одной библиотеке, едва ли не дерзостью кажется писать еще раз об ацтеках. И все же...

И все же, поскольку ацтеки появились на мексиканской земле так поздно (до них там существовало много культур!) и поскольку каждый миг их жизни был связан с магией, наполнявшей их мир божествами и символами, в литературе об ацтеках остается немало такого, что ставит в тупик. Так что будет уместным рассказать их историю, сделав акцент на жизни людей. И еще: поскольку история ацтеков (включающая мифологию, астрономию, этнологию и исследование всего, что происходило за тысячи лет до них) сложна, она далеко не всегда является предметом, о котором легко писать или читать.

В жизни очень мало такого, что является точно определенным, и в одной книге редко удается исчерпать тему, особенно такую запутанную, как ацтеки. Тот старый римлянин, который сказал на смертном одре, что «многое нужно сделать и многое еще останется, и даже через тысячу поколений у человека будет шанс внести какой-то новый вклад», в полной мере мог адресовать это ацтекам. И потому новый краткий рассказ о них не нуждается в оправданиях.

Для этого в настоящее время нет недостатка в литературном арсенале. Это Уильям Прескотт мог сетовать на то, что, когда он в 1839 году приступил к написанию своей знаменитой «Истории завоевания Мексики», ему «приходилось сначала отливать пушки, прежде чем стрелять из них»; иными словами, он вынужден был создавать свою личную библиотеку, собственноручно скопировав в Испании все неопубликованные рукописи, прежде чем смог начать работу. Та ситуация далека от положения дел сейчас – материал, имеющийся в распоряжении исследователя, внушает благоговейный трепет.

² Испанский мир (лат.).

Испанские завоеватели ацтеков по большей части были людьми культурными и образованными, и они ощущали историчность переживаемого момента. Эрнан Кортес, описывавший историю по мере того, как творил ее, для своего времени считался человеком образованным; он учился в университете Саламанки. Его знаменитые «Пять писем» своему королю– императору, написанные в интервалах между битвами, отличаются такой яркостью, словно написаны кровью. Были и другие, которые писали о завоевании, пока плоть истории была еще теплой. «Неизвестный завоеватель» оставил «Рассказ о некоторых событиях в Новой Испании и великом городе Теместитане». Еще один, некто Андрес де Тапия, которого женщины интересовали в не меньшей степени, чем завоевание, оставил свои литературные впечатления о падении ацтеков, книгу, которая вознесла его в такой же мере, в какой она принизила его военачальника Кортеса. Самый литературно образованный из хронистов, Франсиско Лопес де Гомара, написал свою «Хронику завоевания Новой Испании». И поскольку он являлся священником в доме Кортеса, который в ту пору был маркизом долины Мехико и купался в богатстве и славе, он так прославлял одного лишь Кортеса, что это заставило старого воина и участника Конкисты, Берналя Диаса дель Кастильо («Ныне я старик, мне перевалило за восемьдесят четыре года, я утратил зрение и слух...»), продиктовать свое чудесное и бессмертное сочинение «Открытие и завоевание Мексики».

Участвовавшие в крестовом походе святые отцы продолжили литературу там, где это не сделали солдаты. Прилагая огромные усилия к тому, чтобы осуществить переход внутри Мексики с одной мифологии на другую, они волей-неволей изучили языки, мифы и цикл повседневной жизни населявших страну людей. Самым неутомимым среди них был Бернардино де Саагун, который прибыл в Мексику в 1529 году и оставил после себя, спустя десятилетия, проведенные в самоотверженных исследованиях, историю жизни ацтеков, бесценную для всякого, кто посвятил себя их изучению. Было и немало других. Литература об ацтеках благодаря им приобрела глубину, так же как и благодаря таким людям, как доктор Франсиско Эрнандес, врач, посланный королем Испании для изучения новых растений «недавно открытого мира»; его длившееся пять лет изучение растений с помощью многочисленных местных помощников и художников является одним из величайших памятников ботаники, и благодаря ему мы можем составить себе представление о том, что знали ацтеки о земле.

XVII век принадлежал святым отцам; то был период отпечатанных списков слов и фраз, словарей индейских языков, требников и того сорта литературы, которую они называли

*relaciones*³. Но XVIII век принес с собой Просвещение, а вместе с ним – интерес к прошлому, своего рода романтические размышления, проявившиеся в восторженной элегии графа Волнея «К руинам». Ученый мир придавал слишком большое значение символам; уже близилась агония романтизма, и к останкам «империи ацтеков» вновь вспыхнул интерес интеллектуалов.

Молодой Александр фон Гумбольдт прибыл в Мексику в 1803 году после четырех лет активных исследований в Южной Америке, его трудами (а также элегией «К руинам») весь имевшийся на тот момент археологический материал по Мексике был облечен в современную научную форму. В 1810 году Гумбольдт опубликовал прекрасный том первых добротных репродукций «американского» искусства.

В Англии Эдвард Кинг, виконт Кингсборо, который в жизни своей никогда не видел ни одного американского индейца, да и не стремился к этому (поскольку уже заранее был уверен, что те происходят от кочевых израильских племен), – занимался публикацией уже *девяти* томов, содержащих репродукции всех известных иероглифических надписей майя и ацтеков, в подтверждение своей теории о том, что «американские индейцы – это евреи». На это ушло все его состояние и жизнь. Но к 1843 году Уильям Прескотт вернул индейцев индейцам, опубликовав свою «Историю завоевания Мексики».

С тех пор ни у одного народа не было монополии на Мексику. Североамериканцы, начиная с Джона Ллойда Стивенса (Стефенса) и Уильяма Прескотта, продолжали работать бесперебойно в течение столетия; покойный Жорж Вайян, Сэмюел Лотроп, Мэтью Стирлинг и Гордон Экхольм, если упоминать лишь немногих, продолжили эту традицию. Британцы никогда не отставали; они сохраняли строй от Фредерика Катервуда до Э. П. Модсли и от Целии Наттолл до Т.Э. Джойса. Этот ряд продолжает К.Э. Берланд из Британского музея, подхватившего это наследие. Шведы также заинтересовались Мексикой задолго до того, как увидели свет сравнительные изыскания барона Нильса Эрланда Герберта Норденшельда; ныне их продолжает Сигвальд Линне.

Немцы активно работали в Мексике еще с того времени, когда Гумбольдт написал свою первую книгу и привез в Берлин первые образцы мексиканского иероглифического письма; от Эдуарда Зелера до Эрнста Фёрстеманна (который помогал расшифровывать иероглифы майя), до Германа Бейера (который сильно продвинул теоретические исследования) интерес и качество научных исследований постоянно возрастали; в настоящее время их ведет Пауль Кирхгоф. Французы сохраняли свой интерес с 1529 года, когда Андре Теве, космограф французского короля, начал изучать списки податей, которые некий пират присвоил себе в качестве своей доли разграбленного у Веракруса испанского каравана судов. С 1840-х годов, когда благородный ученый-аристократ граф Адольф де Сиркур оказывал помощь Уильяму Прескотту, до современных исследований Жака Сустеля (часто упоминаемого в этой книге) внимание французов привлекает *мексиканец*.

В последние годы археология принадлежала мексиканским ученым. Были найдены, восстановлены и исследованы новые руины; была выполнена тщательная стратиграфическая работа с применением передовых методов. Имена мексиканских ученых, продемонстрировавших такие замечательные способности к изучению своего прошлого, столь многочисленны, что само перечисление их прозвучало бы как библиография – Мануэль Гамио, Альфонсо Касо, Хосе Гарсиа Пайон, Эдуардо Ногера, Игнасио Маркина (если называть лишь некоторых). А книги, брошюры, доклады образуют постоянный поток, вытекающий из этой археологической активности, в результате чего дата появления первого человека в Мексике постоянно отодвигается в прошлое.

Вся эта деятельность породила общий интерес ко всему, составляющему прошлое человека (ибо прошлое заключается в настоящем так же, как свойства треугольника содержатся в

³ Списки, сообщения (исп). (Примеч. ред.)

его определении), и возник значительный общественный интерес к такой литературе. К сожалению, для получения масштабной панорамы необходимо длительное и заинтересованное чтение. И обычный читатель хотел бы узнать многое обо всем этом, но слишком велик объем материала...

Я попытался, на собственный лад, определить главные качества ацтеков и выразить это в такой литературной форме, чтобы привлечь, а не отпугнуть (еще до извлечения урока) обычного любознательного читателя. Повсюду я стремился к простоте, и целью моей было следовать совету Анатоля Франса, который сказал начинающему писателю: «Я начинаю задаваться вопросом, не состоит ли величайший талант в том, чтобы писать очень просто об очень сложных вещах».

Место действия

Вся Мексика делится на две части: горная и равнинная.

Это край контрастов: пустоши, покрытые вулканической породой, высокогорные равнины с разреженным воздухом, засушливые пустыни, зоны буйной растительности, отделяющие одну долину от другой, – все это сделало эту страну предметом любви и источником отчаяния человека с тех самых пор, как он вступил во владение мексиканской землей.

Если подбирать сравнение, то Мексика своими очертаниями напоминает рог изобилия. Он тянется от широких открытых плоскогорий северных границ, где когда-то бродили бизоны, до сравнительно узкого перешейка, лежащего в полутора тысячах километров южнее, где равнина упирается в горы и тропические заросли со всей их роскошью и богатствами, заключенными в них. Там индейцы находили нефрит, кораллы, раковины, шоколад, янтарь, каучук, перья кетцалья – райский край для жителя гор.

Мексика полна и климатических контрастов, и, хотя половина ее территории лежит в тропическом поясе, высота над уровнем моря более важна, чем географическая широта. Восточное побережье, не занятое горами, шире, чем на западе страны, и пассаты обрушивают на него яростные ливни. Восток покрыт более буйной растительностью и стал колыбелью первых цивилизаций: страны ольмеков, тотонаков, уастеков. Западный берег имеет более узкую прибрежную полосу: природа здесь не столь щедра, и это отразилось на первых культурах; они выглядят беднее в сравнении с теми, что развивались «на другой стороне».

Мексиканская земля поднимается ввысь от этих двух берегов, иногда резко, иногда постепенно, к высокогорному плато, которое занимает большую часть мексиканской территории. Покрытая снегом вершина горы (вулкана) Орисаба (ацтеки называли ее «Ситлальтепетль», «Гора звезды») поднимается из зелени джунглей, достигая высоты 5610 м (или 5700), и возвышается над «холодными землями». Именно здесь первые испанцы столкнулись с голой горной пустыней: «...трехдневный марш через пустынные земли, необитаемые по причине их бесплодности, отсутствия воды и страшного холода... О, как описать жажду и голод, мучившие людей, на которых налетали вихри града и дождя!»

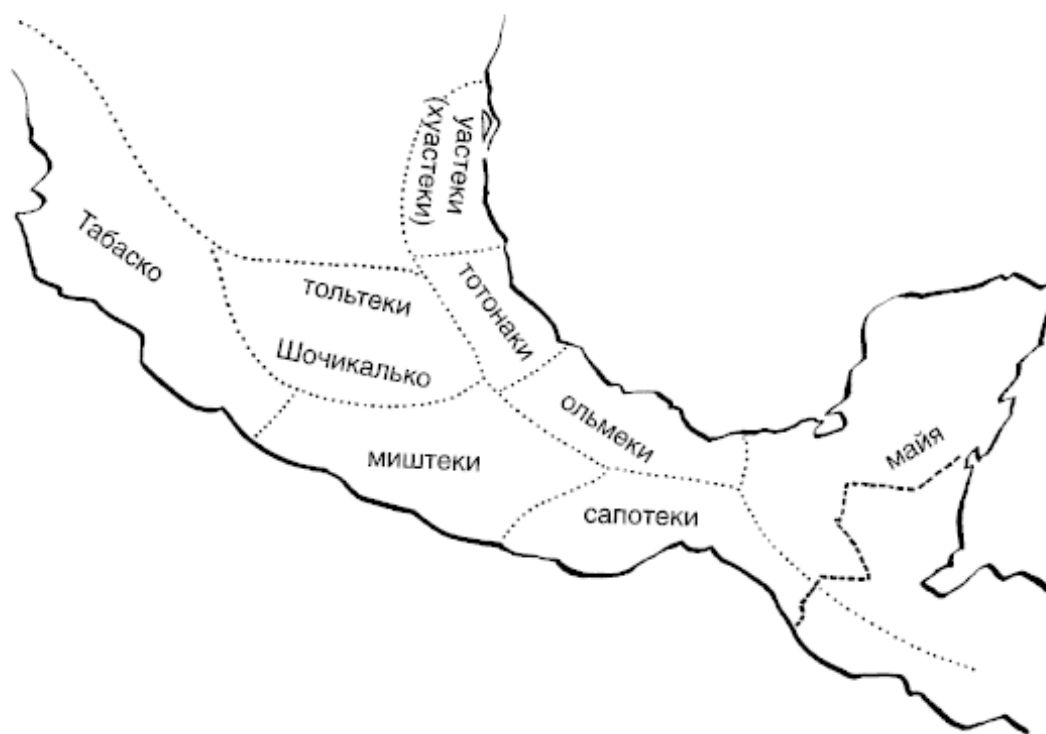

Рис. 1. Распределение доацтекских племен и культур по территории Центральной Мексики и Гватемалы-Юкатана. Ацтеки появились в виде самостоятельной культуры на территории, занятой тольтеками

Этот край горных равнин, высота которых варьируется от 900 до 300 и более метров над уровнем моря, представляет собой типичную для Мексики землю. Она отличается неустойчивой геологией. Вулканы в прошлом и в настоящее время извергают камни и пемзу, туф и обсидиан, превращая большую часть того, что могло бы стать плодородными долинами, в бесплодную пустыню. Природа одарила Мексику редчайшими по красоте ландшафтами, но заставила поселившегося там человека уплатить за это немалую дань. Судосходных рек мало; большая часть земель неплодородна из-за вулканических извержений; во время долгих сухих зим пыльные бури сносят плодородный слой почвы, а внезапно начинающиеся и прекращающиеся наводнения довершают разрушение. Здесь есть высокогорные полупустынные районы, покрытые зарослями чапарала – субтропической кустарниковой растительности из кактусов, мескитовых деревьев, сумаха, акаций, вечнозеленых и листопадных дубов. В других регионах эта ужасная картина сменяется сосновыми лесами, а в тех районах, где есть вода, пышно зеленеет роскошная растительность долин.

В Мексике не было аналогов долине Нила. Там не было оазисов вроде тех, что возникают вдоль побережья Перу, тянувшегося на две с лишним тысячи километров, в которых всегда есть плодородный слой почвы даже тогда, когда не выпадают дожди (если проводить орошение. – *Ред.*); там не было выючных животных, даже лам. Колесо, даже если бы оно и было у мексиканцев, оказалось бы бесполезным, поскольку вся местность сильно пересеченная, а высокогорные долины отделены одна от другой крутыми горами почти по всей своей длине и ширине; добраться туда можно только пешком.

Дожди определяют время года. На мексиканских плоскогорьях они выпадают по воле Божьей между июнем и сентябрем; остальные месяцы засушливы, за исключением капризов

природы, и тогда дожди идут не в свой сезон, а в Мехико может даже выпасть снег – событие, часто отмечаемое ацтеками в их иероглифической хронике необычных происшествий.

Поскольку дары солнца и дождя распределялись неравномерно, большая часть края не была гостеприимна для человека. Таким образом, хотя Мексика и имеет обширную территорию, большая часть ее в древние времена не была заселена, и этими незаселенными районами были те земли, где почва была голой и бесплодной. По-настоящему плодородные регионы были заняты людьми с древнейших времен, особенно колыбель культур Анауак, «земля у края воды», где расположен город Мехико.

Там, где вздымаются горы в центре высокогорного Мексиканского нагорья, где высится вулкан Попокатепетль в белой шапке, а рядом с ним вулкан Истаксиуатль, расположен ряд водоемов, тянущийся на запад, до богатых рыбой озер Мичоакана, и образующий серию лагун и озер, которая заканчивается у заснеженных гор в долине Анауак. На этой почве возникли великие цивилизации: тольтекская, оставившая после себя огромное «Жилище богов» в Теотиуакане, и родственная ей культура Тулы, зародившаяся чуть севернее. Поскольку высота над уровнем моря была менее 2500 м, здесь росла кукуруза, жизненно важный продукт питания, а также множество прочих необходимых растений; здесь в изобилии произрастала американская агава, давая волокно и сладковатый сироп, из которого готовится горячительный напиток пульке. Соляные озера поставляли соль, продукт первой необходимости для народа, питающегося злаками. Вулканы, извергавшиеся на протяжении многих веков, нагромодили слои выбросов один на другой, образовав неистощимые каменоломни и создав источник обсидиана, который после расщепления шел на изготовление ножей, оружия и даже бритв, а после полировки – на зеркала. На скульптуры шел твердый серый вулканический камень, который можно было обтесать; там также добывали особый пористый материал *tezontli*, применявшийся в строительстве.

Всему есть свои причины, географические либо социологические. Имперские культуры всегда рождались из суровой почвы. В тропических краях, где человек купался в тепле и неге, тяга к экспансии была ограничена, но человек с высокогорья, бичуемый ветрами и градом, имел имперские амбиции – вот какое влияние оказывает географическое положение.

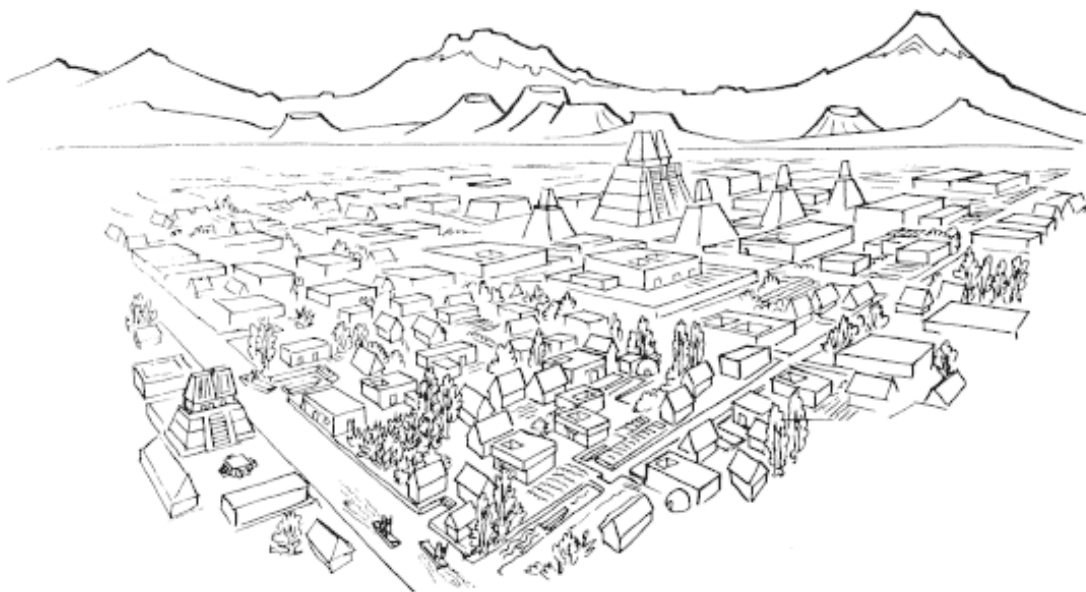

Рис. 2. Теночтитлан, каким его впервые увидели испанцы с высокогорной дороги, которая пересекала вулканические хребты, окружавшие Мексиканское нагорье. Сейчас это сухая равнина, а тогда здесь было озеро

Подобно инкам Перу, ацтеки пришли в Центральную Мексику из суровых краев с более холодным климатом. К тому времени (около 1200), когда ацтеки (в 1068 году ацтеки покинули свою легендарную прародину Астлан, остров посреди обширного озера, отсюда и название «ацтек». Первоначально они называли себя мешиками, по имени племенного вождя Мешитли, правившего тогда, когда они покинули Астлан. – *Ред.*) формировались как племя, лучшие земли были уже заняты. Они называли себя «теночас» (теночки, по имени племенного вождя Теноча. – *Ред.*), потомками северных племен. В поисках земель им пришлось столкнуться с разными, уже оседлыми народами, которые сопротивлялись их продвижению. Суровые нужды войны порождают мужчин; народы обретают величие, вырастая в соседстве и за счет других народов – а у ацтеков не было земли. Они, как и многие до них, были подобны животным, рыскающим по дальним краям; безусловно, нужда заставляла их скитаться в поисках земли, но также, возможно, и «изначальная микрокосмическая потребность в передвижении».

Итак, в год Оме-Акатль, 2-Тростник (1168), перебралось к озерам Анауака это богом гонимое племя, этот народ «ацтеков», которому предстояло упорядочить грабеж и войны, сделав их частью политики государства, которому другие народы платили дань и которому было суждено навсегда оставить свой след на мексиканской земле.

Год Испанца

Что представляет собой нечто, не поддающееся определению и именуемое духом народа, который толкает его вперед и ввысь?

В 1168 году – дата, повсеместно принятая историками, – теночки пришли к озерам Анауака с северо-запада. На них, не имевших ни земли, ни друзей, уже с тревогой посматривали другие племена, расселившиеся вокруг озер, что было вызвано той легкостью, с которой они предлагали человеческие сердца своим богам; они почти не имели внешних атрибутов человеческой культуры. Будучи малочисленным племенем, состоявшим из враждующих кланов и вытесняемым из одного населенного региона за другим, ацтеки, наконец, выбрали несколько островков в двух– трех километрах от берега в озере Тескоко и, неся впереди изображение своего бога, в 1325 году начали строить свой город-государство.

За два века они стали владыками Мексики, а Теночтитлан, «город теночей», стал самым великолепным городом, возведенным когда-либо в Америке ее коренными жителями. Испанцы, прибывшие, чтобы его завоевать и добавить титул его властелина к титулам своего короля– императора Карла V, вошли в «великий город Теночтитлан в Мексике 8 ноября... 1519 года».

Глядя на столь чудесное зрелище, писал Берналь Диас дель Кастильо, вспоминая об этом спустя пятьдесят лет, «мы не знали, что и сказать и действительно ли существует все то, что предстало перед нами». Они проследовали по «насыпной дороге... шириной восемь шагов», которая протянулась «на две мили от берега озера до города... столь населенного, что в нем едва хватало всем места... На башнях было полно людей... лодки [прибывали] со всех концов озера».

Сразу у входа в город они были встречены «царской» свитой: великий Монтесума сошел со своего паланкина и, поддерживаемый другими, последовал дальше «под великолепным балдахинном из зеленых перьев, богато украшенным золотой и серебряной вышивкой, со свисающей каймой из жемчуга и [нефрита], и это было поразительное зрелище. Великий Монтесума был облачен в богатые одежды... множество других владык... шли впереди него, подметая землю, по которой он должен был ступать, и расстилали поверх нее ткани...»

Войдя в город, они едва могли поверить своим глазам. Берналь Диас вспоминает, что «не мог сосчитать мужчин, женщин и мальчиков, собравшихся на улицах... в лодках на каналах,

прибывших поглядеть на нас. Это было поистине удивительно, и сейчас, когда я пишу это (а Диасу было, когда он писал свою великолепную книгу, восемьдесят четыре года), все встает перед глазами так, словно это случилось вчера».

Отдохнув в «огромных залах и комнатах, увешанных местными тканями», они вскоре предстали перед Уэи Тлатоани, «главным оратором» Монтесумой, в его просторных личных покоях. Монтесума жил в роскоши, как Лукулл. «Для трапезы Монтесумы они приготовили свыше трехсот яств... такое разнообразие блюд... такое их обилие, что я не в силах перечислить их... Четыре очень красивые и опрятные женщины принесли ему воду для омовения рук... другие женщины принесли лепешки-тортильи... Ему подавали еду в глиняной посуде, сделанной в Чолуле... Время от времени ему подносили в чашах из чистого золота некий напиток, приготовленный из какао...»

Позже Берналь Диас дель Кастильо, сопровождая Кортеса, увидел сокровища этого государства, жившего данью, и то место, где Монтесума «хранил отчеты обо всех доходах... в своих книгах, изготовленных из бумаги, именуемой *amatl*; у него был целый большой дом, доверху заполненный ими». Еще испанцы увидели склады, полные круп и маиса, бобов и перца, доставленных в качестве дани, а также другие склады, полные боевых доспехов, «многие из которых были богато украшены золотом и драгоценными камнями». Там было холодное оружие и щиты и «что-то вроде палашей... напоминающих мечи с каменными [обсидиановыми] лезвиями, которые могут рубить куда лучше, чем наши собственные мечи», и луки со стрелами, сложенные горами до потолка, и «щиты... искусно сделанные так, что они могли складываться... и стеганные хлопчатобумажные доспехи».

Рис. 3. Долина Анауак и озера Мехико. Хотя у них пять названий, на самом деле озера представляли собой единый водоем. Поскольку озера были бессточными, вода в основном была соленой, за исключением южной части (озера Чалько и Хочимилько), куда впадали потоки пресной воды с покрытых снегом вулканов. Позднее ацтеками была создана система дамб и каналов в целях регулирования солености озер

Был там и царский птичник, о котором Берналь Диас написал так: «Я вынужден отказаться от перечисления всякого рода птиц, представленных там... от королевского орла... до

маленьких птичек с разноцветными перьями... у которых они берут их богатое оперенье и используют для изготовления своих полотен из зеленых перьев. Все птицы... размножаются в этих домах... и каждому виду положена своя пища... двести мужчин и женщин ухаживают за ними...»

Там были резчики по камню, «искусные рабочие, которых Монтесума использовал во всяких распространенных среди них ремеслах», и «мастера по золоту и серебру», чьими изделиями не могли не восхищаться даже известные ювелиры в Испании (как и великий художник Альбрехт Дюрер). Там были и другие мастера, которые полировали драгоценные камни и нефрит, «великие мастера, создающие украшения из перьев, живописцы и скульпторы... индианки, занятые ткачеством... которые изготавливали такое большое количество тонких тканей с изумительными узорами из перьев...».

Общественные рынки, которых в городе было четыре, затмевал огромный рынок в Тлателолько, и «мы были поражены количеством людей и товаров, находящихся в нем, а также строгим порядком и контролем, который там поддерживался... Каждый вид товаров хранился отдельно и имел постоянное место... Там были продавцы золота, серебра и драгоценных камней, перьев, плащей и вышитых изделий». А еще испанцы увидели «индейцев-рабов, мужчин и женщин, которых привозили «на большой рынок на продажу, подобно тому, как португальцы привозят негров из Гвинеи... привязанных к длинным шестам, в ошейниках... затем... там были торговцы, продававшие большие отрезки ткани и хлопок... и [такие], которые продавали какао». Там была грубая ткань из волокна американской агавы, сандалии из растительного волокна. В другой части рынка «продавали шкуры тигров и львов (имеются в виду ягуары и пумы. – *Ред.*), выдр и шакалов, оленей...»

И были «те, кто торговал бобами, овощами, птицей, петухами с бородками, зайцами, оленями... молодыми собаками (съедобной разновидности) и всякого рода посудой самой разнообразной формы... и те, кто продавал мед и медовую пастилу... лесоматериалы, доски... балки, брус... и торговцы дровами окоте...».

«Действительно, мой господин, – писал Эрнан Кортес, продолжая описание этого сказочного города, когда красноречие Берналя Диаса иссякло, – огромный город Теночтитлан... построенный посреди этого соленого озера и на две лиги удаленный от любой точки на берегу, соединяется с сушей четырьмя насыпными дорогами... шириной двенадцать футов... Город по величине не меньше Севильи или Кордовы... что же до владений Монтесумы в целом, то они так велики, что я не в состоянии определить размеры его царства...»

Все это – несмотря на фантастические подробности в духе «Тысячи и одной ночи» – археология полностью подтвердила. Испанцы увидели образ жизни, полной роскоши, такого уровня, какого не достиг ни один другой народ в Америке.

Как же он сложился?

Ответ – а лучше сказать, объяснение – заключается в истории культуры, сложившейся задолго до ацтеков.

Появление человека в Америке

Никто точно не знает, когда именно человек впервые переселился в Америку. Все согласны с тем, что человек явился туда уже в человеческом облике, а не развился из какого-либо человекообразного существа на самом континенте (таких в Америке не было). Но как он прибыл туда? И прибыл ли он социально развитым, культурным существом, полностью сформировавшимся на берегах Азии («Отчего, – возмущался Геродот, – все континенты обязательно носят женские имена?») и случайно забредшим на новую землю по следам млекопитающих через Алеутский сухопутный мост с окраин Монголии в Америку? Или это были волны миграций, источником которых на протяжении длительного периода была плодородная

почва Азии, и люди достаточно знали о том, что там, за морем, «что-то есть», век за веком продолжая переселяться? Или человек приплыл сюда в хрупких выдолбленных суденышках по бурным морям, полностью облаченный в культурные доспехи, чтобы утвердиться во главе своих недоумков сородичей, прибывших сюда раньше?

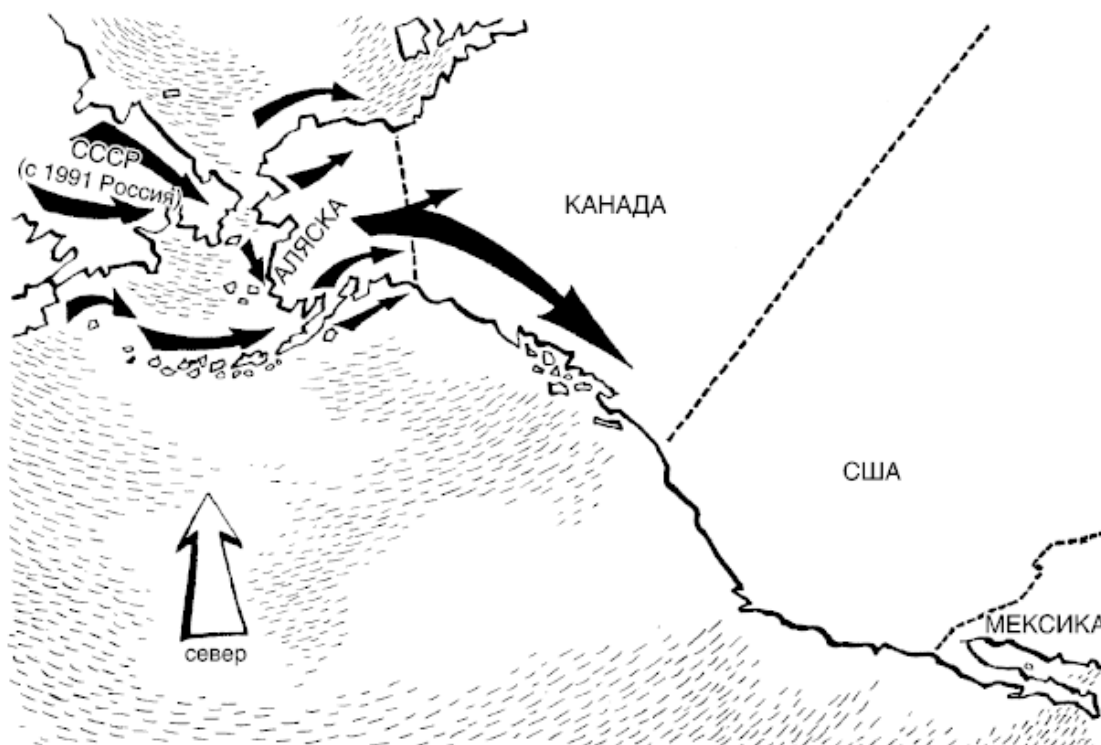

Рис. 4. Возникновение человека в Америке

Никто этого не знает. И споры об этом так же стары, как и открытие Америки. Всеведущая церковь тотчас же столкнулась с реальностью. Если потоп, как он подробно описан в Библии, действительно был, если он уничтожил все человечество, кроме Ноя и его семьи, избранных, чтобы вновь заселить землю, то как же эти американцы добрались до своего континента и кто они такие? Там, где отказывала богословская логика, торжествовала диалектика: конечно же индейцы – это евреи, из забытых «колен Израилевых». Существует немало кропотливо разработанных научных трудов на эту тему, написанных первыми святыми отцами в Америке. Некто Диего Дуран – рациональная часть его исследовательской работы в Мексике часто используется в данной книге – писал, что «предположение это подтверждается... эти туземцы принадлежат к «десяти коленам Израилевым», которых пленил ассирийский царь Салманасар и привел в Ассирию во время царствования Осии, царя Израиля». Возможно, церкви и удалось бы разрешить загадку «божественной антропологии», но не удалось разрешить ее среди философов; знаменитый Гроций Гуго де Гроот (1583–1645), один из основоположников международного права, в XVII веке полагал, что североамериканские индейцы были скандинавами, перуанцы – китайцами, а бразильцы – африканцами. На это тотчас же откликнулся его соотечественник Йохан де Лаэт, доведенный до бешенства столь нелепым умозаключением. Нужно быть болваном, писал он, чтобы не увидеть, что американские дикари на самом деле являются скифами. К этому времени в спор вступили писатели кромвелевской Англии. Томас Тарогуд утверждал, будто слышал от голландского раввина, побывавшего в гостях у еврейской общины в Перу, что у индейцев существовал обряд обрезания. Этого ему было достаточно, чтобы напи-

сать брошюру под названием «Евреи в Америке». Но вскоре ему бросил вызов другой автор, чье сочинение называлось «Американцы не евреи».

Это продолжалось веками. Эдвард Кинг, виконт Кингсборо, пал жертвой этого спора. Церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней, чья священная «Книга Мормона» проследивает эту генеалогию, даже сейчас финансирует «Золотыми табличками Морони» весьма сомнительные исследования в поддержку теории о том, что американские индейцы – потомки одного из израильских племен.

Антропологи были бы в восторге, имей они столь простые объяснения заселению Южной и Северной Америки; но вместо этого...

Вместо этого есть множество теорий самого разнообразного свойства и на всякий вкус. Одна из них, долгое время бытовавшая в среде антропологов, состоит в том, что человек отправился в путь из Азии свыше сорока тысяч лет тому назад, будучи на крайне примитивной ступени развития в начале эпохи неолита⁴, и его культура на новой, американской, почве развилась самостоятельно. Волна миграций по суше остановилась после климатических изменений и после того, как «сухопутный мост» через Берингов пролив, подвергавшийся тогда, как и в настоящее время, постоянным землетрясениям, то поднимаясь, то опускаясь, в конце концов погрузился в воды Северного Ледовитого и Тихого океанов. (Сухопутный мост начинал действовать, когда уровень Мирового океана падал (иногда до 200 м) в результате связывания огромных масс воды в ледниках в периоды оледенений. – *Ред.*)

Эта теория, на которой громоздились археологические теории, с разных сторон подвергается осаде; археологи, ботаники, географы критикуют ее как несостоятельную. Существует пятьдесят «поразительно сходных» черт между культурами тихоокеанских островов и американскими культурами, которые можно объяснить только их распространением за пределы Тихого океана. Сторонники этой теории утверждают, что сообщение между континентами на плотках или морских судах с приспособлениями для повышения устойчивости на волнах было делом обычным. И хотя доказательств нет, эти теории основывались на вере, а теперь, в последние годы, на пылких чувствах. Но чувство не приводит причины – у него их нет; причины должны быть даны чувству. Прямые доказательства отсутствуют по обе стороны антропологического барьера. Аргументов, весомых и незначительных, имеется множество. Это заставило одного британского ученого заключить, что «однако, обоснованность подобных аргументов – а с обеих сторон имеются [сильные доводы] – как правило, не считается убедительной, и, вероятно, следует признать, что позиция, занимаемая каждой из сторон, подкрепляется верой...»

Тем не менее до тех пор, пока кто-либо не явится с тщательно взвешенными фактами, следует считать, что американский индеец имеет свои культурные истоки *здесь*. Человек в эпоху раннего неолита был сухопутным скитальцем, а не мореходом; он шел по следам животных и вышел из Азии по сухопутному мосту, которым с незапамятных времен пользовались млекопитающие. Так что, в соответствии с изначальным лейтмотивом, который позволяет мне выбирать «в соответствии с моими склонностями и пристрастиями, вкусом и фантазией – словом, как художнику», все произошло следующим образом.

Был конец последнего оледенения, и формировался новый мир. Ледниковые щиты, благодаря которым в значительной части мира царила зима, начали таять и изливать в волнуемый океан шумные потоки ледяной воды. Растения, которым удалось выжить, выгнали бледные ростки сквозь почву тундры; споры семян, занесенные потоками теплого воздуха, дали корни, и под влиянием климатических изменений буйная растительность постепенно узурпировала бывшие владения льда. На поверхности этой незнакомой новой зеленой земли, спустя

⁴ Неолит, или новый каменный век, представляет собой период, когда люди начали производить себе пищу (после 5000 года до н. э. и ранее); до него была эра мезолита (10 000 лет до н. э.), когда человек был охотником и рыболовом; в эпоху палеолита (15 000 лет до н. э.) человек занимался собирательством и иногда охотой. Все ранние культуры «Благородного полумесяца» на Ближнем Востоке: шумерская, египетская и др. – начинались в конце неолита, в переходный к бронзовому веку период.

долгие этапы эволюционного роста, появился человек – *настоящий* человек. Он не остался за границами человеческой памяти; три сотни веков назад он создавал зооморфные рисунки на стенах пещер, достоверные резные изображения бизонов, мамонтов, оленей, волков. Физически этот человек уже вполне сформировался; он обладал разумом, умел украшать себя и знал способы выживания. Многочисленные стада млекопитающих, бродивших по земле, вскоре познакомились с этим царем природы, умевшим пользоваться орудиями труда. Он последовал за ними, двигаясь вокруг Средиземноморья и пересекая его. Он прошел через пустынные земли Нила, леса Индии, Явы, Китая и всю Евразию. Наконец, он вторгся в область, которая сама по себе представляла отдельный мир, именуемый Монголией.

В первобытных людях в течение тысячелетий происходили метаморфозы: потомки становились отличными от них людьми. У жителей Восточной Азии были черные жесткие волосы и прямые, плоские, безбородые лица с выступающими скулами и отмеченные особой складкой у внутреннего угла глаз, именуемой эпикантусом. В это время они уже пользовались каменными орудиями в качестве орудия труда. Некоторые из них затем видоизменились и, выйдя за пределы своего мира, перешли в совершенно новый: сорок тысяч лет назад эти люди с монголоидными глазами и лицами, следуя по северным тропам за млекопитающими, впервые вторглись в Америку.

Первобытный человек вошел в Америку через «крышу». Почти на две тысячи километров к западу от Аляски тянутся острова. Будучи геологическими остатками вулканического происхождения, они простираются бесконечной цепью через Берингово море к берегам Сибири. Когда-то эти острова были сухопутным мостом, связующим звеном между континентами, и по ним в течение многих столетий двигались стада верблюдов, тапиров и мамонтов из Америки в Азию. (Основной сухопутный мост был все же севернее – в районе Берингова пролива. Цепь же островов (Алеутские и Командорские) не образовывала сухопутный мост до самой Камчатки, однако люди из Азии использовали и его, проплывая небольшое расстояние на подручных средствах. – *Ред.*)

Когда этот человек пришел в Америку, был конец последнего оледенения. Мы знаем о его присутствии, поскольку он оставил свои кости, перемешанные и окаменевшие вместе с костями вымерших животных. На протяжении веков, последовавших за этим переселением, люди двигались на юг по свободному ото льда аляскинскому коридору в сторону обширных земель Америки. За пять веков они проникли в самые отдаленные уголки континента, от скованного льдами севера до покрытого льдами юга, охватив в конечном счете все 135 градусов американской широты. Живя здесь по берегам замерзших или тропических вод, на высотах от уровня моря до нескольких тысяч метров, в лесах, на травянистых равнинах или пустынях; в одних местах – впроголодь, в других – в изобилии; в полярных областях – с ночью длиной до полугода, у экватора – продолжительностью двенадцать часов; среди живительных ветров или страдая от болезней, – древний человек в Америке, сильно меняясь в зависимости от природной и культурной среды, становился новым человеком – *Homo Americanus*.

В 5000 году до н. э. этот американец не слишком отличался по своим культурным достижениям от первобытного человека в каком-либо другом месте. В то время, когда человек, например, в долине Нила выращивал просо и ячмень и закладывал основу сельского хозяйства, на которой должна была расцвести египетская цивилизация, «американец» отбирал дикие растения, которые станут его маисом (кукурузой), картофелем, томатами (помидорами), бобами и плодами из семейства тыквенных и на основе которых он также построит свою цивилизацию.

Лишь в одном отношении – и это важно для истории американской культуры – американец отличался от жителя Евразии. В Америке не было железного века: человек здесь так и не вышел за пределы неолита и раннего бронзового века, и его орудие труда, хотя он и создал мягкую бронзу, в основном оставались орудиями труда каменного века.

К этому времени египтяне достигли своего культурного апогея и воздвигли в 2100 году до н. э. храм Амона; возникла и погибла цивилизация шумеров в Месопотамии; мифический Кадм оставил людям в наследство алфавит, а расцвет и величие, которые будут ассоциироваться с Грецией, все еще были представлены отдельными группами эллинов, находившихся на крайне примитивном уровне развития.

В Америке к этому времени период великих скитаний подошел к концу; обширные пространства Америки заполнились людьми. На этих территориях возникли различные культуры. В северных регионах плосколистые, коренастые эскимосы по-прежнему проживали в условиях ледникового периода. На равнинах Северной Америки высокие зоркие обитатели вигвамов приспособливали свою жизнь к ритму жизни кочующих животных. Далее на юг, где солнце дольше дарило свои ласки, индейцы, ставшие отчасти оседлыми, выращивали растения и под защитой скальных выступов возводили простые постройки своих поселений. На другом конце Америки, на диаметрально противоположном юге, огромного роста жители Огненной Земли, обернув свое тело шкурами гуанако, ходили по замерзшей тундре, оставляя следы своих широких ступней, «патагонес», на земле огня, «Терра-дель-Фуэго».

В непроходимых джунглях той же Южной Америки обнаженные индейцы с заточенными зубами охотились на человека и зверя; а к западу от этих селений, расположенных на берегах Амазонки и Ориноко, в краю заката лежали Анды. Там, в высокогорных холодных долинах, где преобладали серые и коричневые тона, люди, обладавшие большим объемом легких, создавали великую цивилизацию. Вокруг холодного озера в Андах под названием Титикака народ, говоривший на языке аймара, к 1000 году до н. э. заложил основы сельскохозяйственных структур, которые превратятся в Тиауанако, в то время как вокруг него, разбросанные по горам, жили множество других племен, говоривших на родственном языке кечуа. Со временем эти «инки» создадут, объединив все другие племена Анд, огромную империю. К северу от инков обитали индейцы-киту; к северу от киту лежала территория племени чибча, чей диковинный обычай, согласно которому их «царь» должен был смывать в горном озере золотой песок со своего тела, породил миф об Эльдорадо.

Между этими географическими монстрами, Северной и Южной Америкой, лежала Центральная Америка, и в частности Мексика, чьи горные хребты были усеяны действующими вулканами. Именно Центральной Америке предстояло стать родиной великих цивилизаций древней Америки.

Большая часть Мексики имела однородную культуру. Независимо от того, были ли это тотонаки, тольтеки, сапотеки, уастеки (хуастеки), майя или ацтеки, племя вырастало из семьи; мясной рацион разнообразила продукция неразвитого сельского хозяйства: на выжженных участках земли семена опускали в ямки, проделанные обожженной палкой. Сельское хозяйство вращалось вокруг кукурузы как основного продукта питания, а общество в те времена как не имело никаких механизмов, так и не обзавелось ими впоследствии. Тягловое скота не было; мерилем скорости были ноги. Одежанием служила набедренная повязка; мужчины ходили в сандалиях, а женщины носили короткую юбку-пояс из хлопчатобумажной ткани; грудь была обнажена, а ноги босы.

Во всех этих племенах общество было организовано на основе кровного родства; единицей в племени был род, и у каждого рода было свое тотемическое имя. Вместе они составляли племя, объединенное не только общим владением землей, но и кровными узами. Столь же однородной была и их религия. Вера была анимистической: все в их мире, одушевленное и неодушевленное, обладало «душой», все было живым, чувствующим, своенравным. Богов, как добрых, так и злых, следовало задабривать; и искусство, когда оно развилось, оказалось подчиненным метафизике этой теологии. Ремесло каменотеса здесь было развито повсеместно. Волны культурного наследия приливали и отливали во всех племенах Мексики и Центральной Америки до тех пор, пока то, что было исключительным культурным достоянием одного пле-

менного сообщества, не начинало широко применяться у всех. Не происходило больше никаких культурных вторжений ни из Европы, ни из Азии – внутри самих себя и своими силами обе Америки создавали свой собственный мир.

Доацтекские культуры

Теночки-мешики, именуемые ацтеками, были последними, кто прибыл в долину Анауак.

С исторической точки зрения они явились настолько поздно, чтобы стать властителями Мексики, что многие другие великие цивилизации уже возникли и исчезли, став лишь зыбкими воспоминаниями, сохранившимися в мифологии. Единственной причиной того, что «ацтеки» так глубоко вошли в историю и стали известны людям, является то, что во время испанского завоевания в 1519–1521 годах они были здесь главным государством – сборщиком дани, хотя их власть распространялась лишь на часть Центральной Мексики. Несмотря на это, когда понятие «ацтек» ворвалось в Европу, оно врезалось в память людей. Сегодняшняя Мексика в ту пору не имела общего названия, и, таким образом, название островного, живущего данью государства Мексика было присвоено всему краю.

И лишь гораздо позже, когда испанские святые отцы-хронисты начали расспрашивать индейцев об их происхождении и вере, им открылось существование предшествующих цивилизаций, которые были намного древнее и удивительнее ацтекской.

Десятилетия всех кропотливых археологических исследований в итоге раскрыли многое об этих доацтекских культурах; с каждым годом ученые все дальше проникают в глубь времен. «Почва стала нашим хранилищем, – написал Жорж Вайян, – лопата – нашей лупой, и в этом хранилище, которое природа всегда разрушает, рассеивая наши материалы по всей земле», ученые нашли и продолжают находить новые археологические данные.

К 1000 году до н. э. все великие переселения закончились. Народы заселили плодородные земли и начали возводить города-храмы. В центральной гористой части Мексики, в жарких краях в районе Веракруса и в горах Гватемалы они заложили свои города. Человек в Америке стал оседлым; он создал сельское хозяйство и узнал, что такое свободное время. В тот же период в «других краях» финикийцы изобретали алфавит, греки-дорийцы вторглись на Пелопоннес, а редко заселенная Европа выходила из периода грубого варварства.

Одно племя уже явно обозначило себя: ольмеки (800. до н. э. – 600 (?) н. э.), которые проживали в тропиках Веракруса и Табаско; 800 год до н. э. отмечает в Мексике начало доклассического периода.

Долгое время предполагали, что культура ольмеков окажется одной из древнейших культур, и в настоящее время метод радиоуглеродного датирования предметов из ольмекского поселения в Ла-Венте подтвердил данные о том, что ольмекские постройки «видимо, были созданы и использовались в течение четырех столетий... в 800–400 гг. до н. э.».

В ацтекской мифологической истории ольмеки были известны как «народ, живущий там, где восходит солнце», а их записанная иероглифами история показывает, что их райское «богатство» заключалось в каучуке, смолах, нефрите, шоколаде и птичьим оперением. Нам неизвестно, как они сами себя называли. «Ольмеки» – производное от *олли* (резина); их символическое обозначение, которое часто воспроизводится, – это дерево жизни, «плачущее древо». Они торговали резиной и, по-видимому, делали резиновые мячи, которые использовались в игре под названием *тлаттли*. Талантливый и загадочный народ, они появились не позже 1000 года до н. э. на землях вдоль перешейка Теуантепек (где территория Мексики сужается между двумя океанами), но особенно густо они селились в районе бассейна реки Коацакоалькос на побережье Мексиканского залива. На протяжении многих веков погребальные курганы и пирамиды, возведенные ольмеками, были скрыты под покровом тропической растительности; здесь археологи обнаружили предметы, вырезанные из нефрита, искусно слепленные фигурки

из глины «беспрецедентно высокого художественного качества», как свидетельствует о том Мигель Коваррубиас.

Лишь сравнительно недавно Мэтью Стирлингом были извлечены из земли огромные ольмекские каменные головы. В Трес-Сапотесе он обнаружил гигантскую голову высотой около 2,5 м с плоским носом и с чувственными толстыми губами. Скульптура эта выразительна и реалистична; такую манеру изображения невозможно обнаружить ни у какого другого народа, и, увидев ее однажды, ее уже невозможно забыть или спутать с чем-то иным. Потом были найдены другие каменные головы; есть созданные в том же стиле резные маски, головы меньшего размера и топоры, и все это – все те же коренастые фигурки с проткнутыми носами, с выраженными монголоидными чертами и узкими щелками вместо глаз. Они были обнаружены на весьма удаленных друг от друга территориях. Однако огромные памятники ольмексов находят, главным образом, между Веракрусом, Табаско, горной Гватемалой и Оахакой – все это определено ольмекские владения. Стела из Трес– Сапотеса, испещренная черточками и точками, несет на себе то, что общепризнанно считается самой ранней из зарегистрированных дат в истории Америки: 31 год до н. э.

Только сейчас комплексы построек ольмексов начинают привлекать к себе внимание. У ольмексов были города-храмы, вертикальные каменные стелы, на которых отмечен бег времени или запечатлены важные события; ступенчатые пирамиды, внутренние дворы, игра в мяч под названием *тлачтли*, – все это являлось широко распространенными у них особенностями культуры. Ольмеки все еще проживали на своих исконных землях в тропиках, когда появились первые испанцы. Об ольмеках нет никаких записей, помимо замечания о том, что они татуировали свое тело, инкрустировали зубы нефритом, уплощали себе головы, выщипывали волосы на лице, охотились за головами как за трофеями, сдирали с них кожу и высушивали на манер индейцев хиваро с верховьев Амазонки, которые делали *тсантса*, сувениры из высушенных человеческих голов.

Искусство ольмексов уникально – оно отличается простотой, прямоотой и силой. Ничего похожего невозможно найти во всей Мексике. Но помимо этого «искусства», они, вероятно, обладали определенной социальной динамикой, чтобы наложить свой отпечаток на историю культуры Мексики.

Майя (2000 до н. э. – 1697 н. э.), которые появились раньше, оказали огромное влияние на развитие культуры в Мексике и просуществовали дольше всего. В течение какого времени они строили свои города-храмы, прежде чем возник их первый календарь, неизвестно. Самая древняя стела в Уашактуне (Вашактуне) датируется 328 годом н. э.

Рис. 5. Ольмекская культура, символом которой служат огромные каменные головы с толстыми губами и широкими ноздрями, обнаруженные в зарослях тропической растительности в штатах Веракрус и Табаско. Культура ольмеков датируется от 800 года до н. э. и более поздним временем

С древнейших времен между всеми этими народами существовал взаимный культурный обмен. Обширная торговая зона – район Шикаланго в Кампече – служила у майя центром контактов с окружающим миром, где в условиях мира товары, произведенные в их краях, обменивались на товары из Центральной Мексики. Владея обширными, по традиции принадлежавшими их племени землями, майя, не подвергаясь серьезным вторжениям извне вплоть до XII века, усовершенствовали свой календарь, иероглифическое письмо и резьбу по камню и создали сложные храмовые города, которые еще можно увидеть в наши дни. Их влияние на другие культуры высокогорных плато Мексики было весьма заметным.

Монте-Альбан (500 до н. э. – 1469 н. э.), обрядовый центр и храмовый город, расположен над высокими безлесными холмами в штате Оахака. Он смотрит сверху на долину и современный испано– язычный город Оахака. Монте-Альбан – один из древнейших городов в Мексике, люди жили в нем с самого раннего доклассического периода, быть может, с 1000 года до н. э., вплоть до прихода испанцев в 1522 году. Этот огромный отрезок времени протяженностью двадцать пять веков разделяется на пять археологических пластов. Его происхождение покрыто тайной. Доктор Альфонсо Касо, который открыл Монте-Альбан и постоянно работал в нем в течение двадцати лет, полагает, что внешние постройки Монте-Альбана датируются не позднее 500 года до н. э. Даже в то отдаленное время его жители уже создали иероглифическое письмо, календарь и законченную систему представлений о происхождении мира.

Рис. 6. Искусство сапотеков, центром которого был Монте-Альбан и его окрестности, представлено этим характерным образцом погребальной керамики

Кто были эти древние строители? С самого начала, по-видимому, это был «город богов», пусть и без жителей, куда приходили как мужчины, так и женщины. Прежде чем город (его настоящее название неизвестно) приобрел свой сапотекский облик, в нем с древнейших времен существовал храм с фризом из пляшущих фигур, выполненный в стиле ольмеков, «выразительный и загадочный образец древнего стиля, запечатлевший чудовищ». Эти фигуры и стелы, созданные в манере ольмеков, вместе со все еще не поддающимися расшифровке иероглифами, остаются главной тайной Монте-Альбана.

Становится понятно, насколько давно все это происходило, если вспомнить, что в тот же период мировой истории Навуходоносор разрушил Иерусалим и увел иудеев в «вавилонский плен». Персидский царь Кир находился в зените могущества, а весь Средний Восток был охвачен духом экспансии. К тому времени, когда народы Мексики начинали возводить свои города-храмы, персы (Камбис) покорили Египет и собирались вторгнуться в Грецию (Дарий I, Ксеркс). И хотя у американских аборигенов не было стимулов, которые давал «Благодатный полумесяц» на Ближнем Востоке, – он подарил миру колесо, железо (железо впервые было получено в горах Хеттской державы. – *Ред.*) и алфавит, – они далеко продвинулись в деле градостроительства, письменности и скульптуры.

Примерно в 300 году Монте-Альбан вступил в переходный период, сбросил влияние майя и обратился к собственным, сапотекским истокам. В течение четырех последующих столетий главная его площадь была расширена, сооружены храмы, пирамиды, площадки для игры в мяч и покрытые фресками гробницы.

Миштеки (668⁵ —1521), чьей столицей была Чолула (близ Пуэблы), с точки зрения географии занимали буферную зону между побережьем и плато. На них обрушивались все периодически поднимавшиеся волны завоеваний сначала с побережья (ольмеки), затем с нагорья (тольтеки). Впоследствии миштеки сами стали завоевателями; после 1350 года они распространили свое влияние дальше на юг, на Монте-Альбан, только для того, чтобы вскоре (после 1450) попасть под власть ацтеков.

У миштеков существовали поразительные сказания о самих себе. Представитель индейской знати по имени Иштлильшочитль писал в XVII столетии о великанах и ольмеках и, подробно, о пирамиде, посвященной Пернатому Змею, самой большой пирамиде в Северной и Южной Америке. Кецалькоатль был таинственной фигурой, известной на территории всей Центральной Мексики и Юкатана. Можно допустить, что он когда-то существовал (впоследствии тольтекские правители заимствовали это имя в качестве приставки к титулу – подобно тому, как мусульманские правители в настоящее время носят имя своего пророка; или подобно римским правителям, которые называли себя «цезарями»). Трудно отделить человека от мифа. Кецалькоатль был творцом, жрецом и правителем, родившимся в результате непорочного зачатия спустя годы после смерти своего отца (его мать забеременела, проглотив кусочек нефрита). Он оставался правителем тольтеков на протяжении двадцати лет. Кецалькоатль жил в Туле (Толлане) и, потерпев поражение в гражданской войне⁶, бежал вместе с большой группой вооруженных тольтеков, достиг реки Коацакоалькос в день 1-Тростник по ацтекскому календарю (знак, под которым он родился), и отплыл в открытое море, пообещав вернуться в такой же год и день.

⁵ Эту дату вычислил Коваррубиас путем вычитания пятисот лет оккупации ольмеками земель миштеков, о которых упоминает Хуан де Торквемада в своем труде «*Monarquía Indiana*» (Мадрид, 1723), из 1168 года, даты, когда ольмеки были изгнаны из Чолулы.

⁶ Возможно, это была настоящая политическая борьба за власть между сторонниками двух концепций правления: миролюбивый «положительный» Кецалькоатль против «отрицательного», наводившего ужас Тескатлипоки («Дымящееся Зеркало»); всему этому было дано рациональное объяснение для «соотнесения исторических событий с более древним мифом».

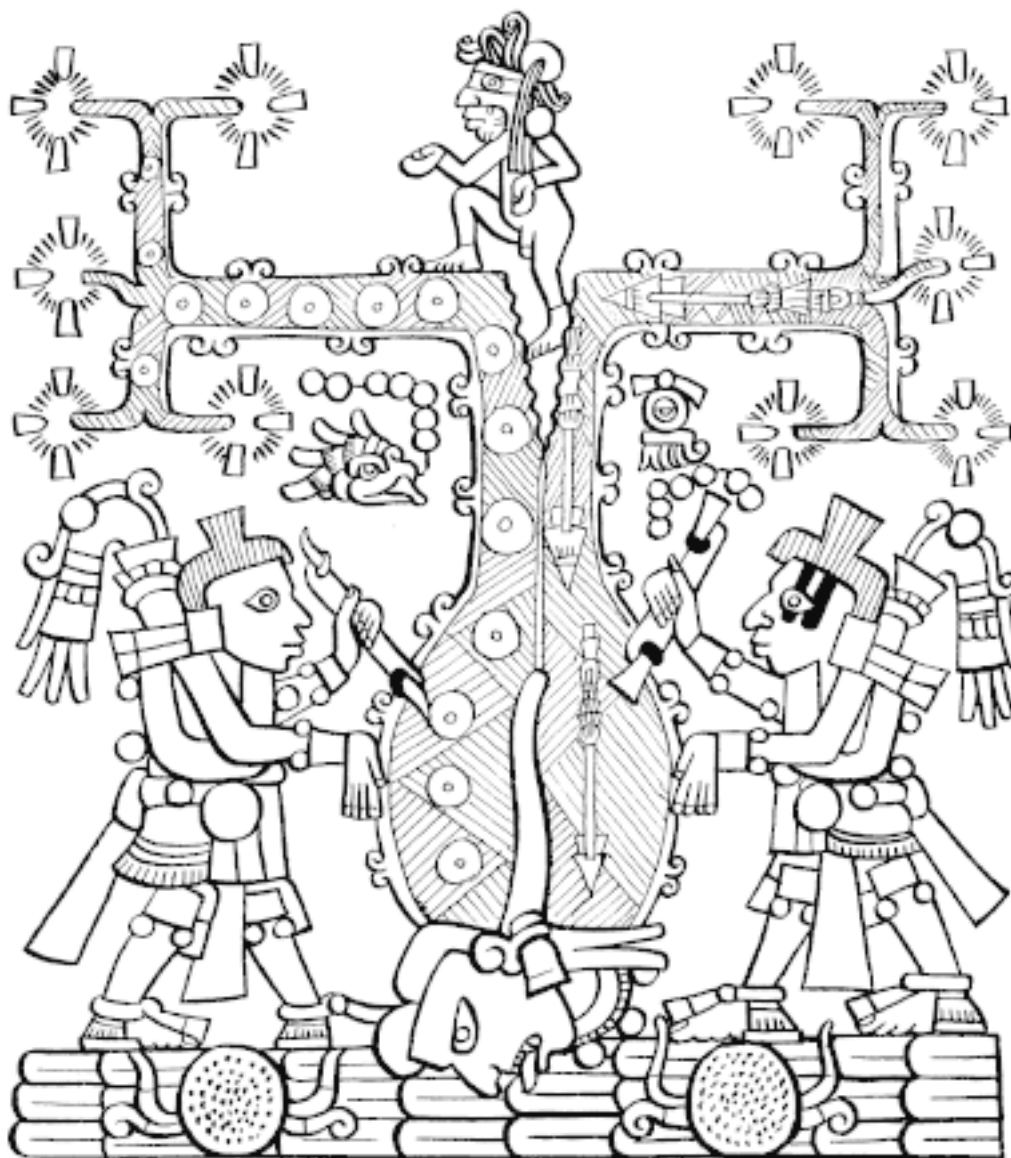

Рис. 7. Внешне искусство миштеков имеет сходство с ацтекским. Цивилизация миштеков, возникшая не позднее 700 года до н. э., имела свой центр в нынешней Чолуле. Иллюстрация взята из части миштекского кодекса – это миф об их происхождении

Он оставил свой след среди миштеков, которые, подобно другим высокоразвитым народам в этот период, имели письменность и бумагу (некоторые миштекские кодексы сохранились). Миштеки далеко продвинулись в искусстве строительства, в области сельскохозяйственного и социального планирования, и, несмотря на грабительские войны и завоевания, их культурное влияние длилось тысячи лет; они сильно повлияли на ацтеков.

Уастеки (хуастеки) (500 до н. э. – 1521 н. э.) населяли земли к северу от Веракруса и дальше в глубь материка, включая горную Мексику (в настоящее время это штаты Тамаулипас, Сан-Луис-Потоси, Идальго и Керетаро). Как было установлено, они также являлись одной из древних культур и пребывали в более или менее постоянной активности на протяжении двух тысяч лет, но после прихода испанцев о них ничего не известно. Отличительные черты искусства уастеков были известны уже многие десятилетия, однако только раскопки, проведенные за последние пятнадцать лет, открыли миру архитектуру уастеков.

Тотонаки, «открытые» собирателями предметов современного искусства благодаря своему образу в искусстве, также появились в доклассический период. Насколько известно, культурное присутствие тотонаков не прерывалось в Центральном Веракрусе примерно с 500 года до н. э. вплоть до прибытия в 1519 году Эрнана Кортеса. Они образовали своего рода лингвистический «сэндвич» между ольмеками и уастеками (последние в этническом и языковом отношении были родственны майя). Страна тотонаков в течение многих десятилетий создавала «самые прекрасные и утонченные образцы индейского искусства»: глиняные, всегда смеющиеся фигурки ручной работы; «смеющиеся головы» и насаженные на шип каменные головы в натуральную величину, предназначенные для крепления на стенах в качестве архитектурного украшения; необычные U-образные предметы величиной с конский хомут, напоминающие его по форме и по размеру, вырезанные из полированного зеленого или черного камня, изящно украшенные и предназначенные для неизвестной цели.

Это веселое сибаритское искусство являет собой резкий контраст по отношению к строгим формам искусства майя или ацтеков. Они также оставили после себя внушительное число городов-храмов, которые, пусть покрытые джунглями и разрушенные веками, по-прежнему сохраняют свою форму, так что мексиканские археологи имеют возможность их восстановить. Вся эта культура, возвращенная тысячелетиями, была в распоряжении ацтеков.

Рис. 8. Одна из «смеющихся голов» тотонаков

После 200 года до н. э. в долине Анауака на нагорье в Центральной Мексике тольтеки научились лучше вести свое сельское хозяйство, и у них появились излишки продукции. Вместе с этим возник Теотиуакан.

Тольтек-Теотиуакан (около 200 до н. э. – около 700 н. э.), «город, где жили боги», расположенный в 42 км к северо-востоку от Мехико, своей величиной превосходит все созданное в Мексике и Центральной Америке (за исключением, быть может, Тикаля в Гватемале); остатки только одного этого огромного церемониального комплекса покрывают площадь 8 квадратных

милей (т. е. около 13 км, автор несколько преувеличивает, на самом деле 7,5 км². – *Ред.*). Поражает воображение то, как тольтекам в столь древний период удалось организовать такое большое количество людей, имеющих в достатке свободное время и не озабоченных борьбой за добывание пропитания, построить и обслуживать такой огромный религиозный центр. Теотihuacan пользовался такой известностью, что он послужил моделью для всех последующих городов– храмов, и тольтеки остались (даже когда их памятники скрыла земля и растительность и они превратились лишь в смутные воспоминания) в памяти жителей Мексики искусными строителями, и с тех пор все мастера-ремесленники, особенно живописцы и создатели *тлакуило*, именовались «тольтеками» вплоть до ацтекских времен.

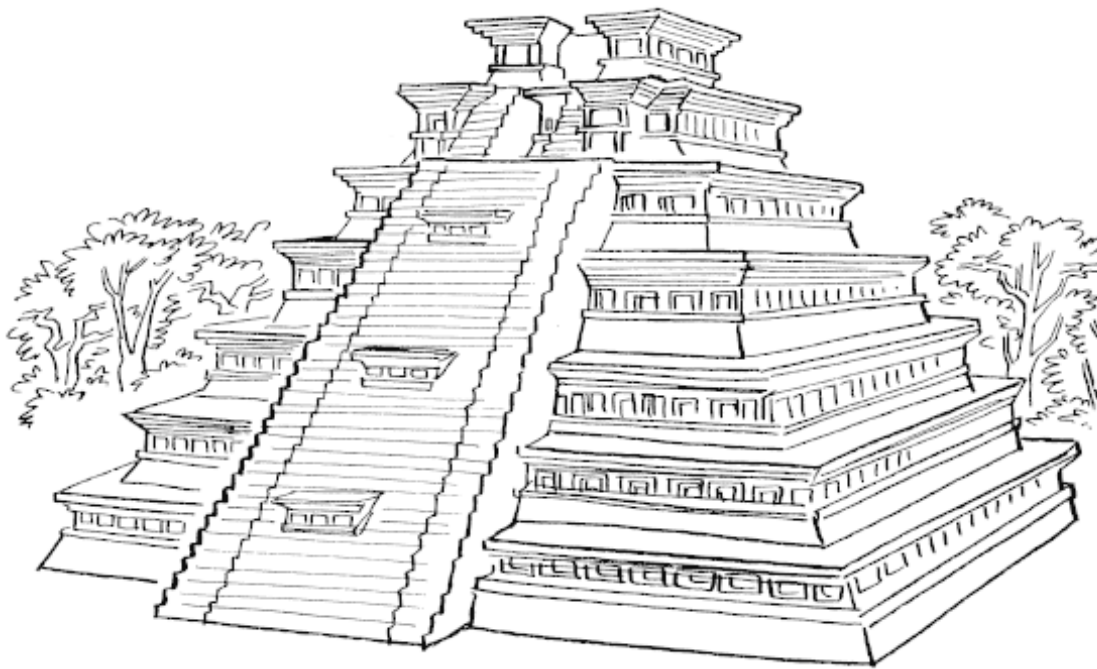

Рис. 9. Типичные особенности архитектуры тотонаков представлены в храме в Эль-Тахине (Тахине), Веракрус. В нишах располагались небольшие идолы; храм находился на вершине пирамиды. Тотонаки появились в 500 году до н. э. Это племя было в расцвете своей культуры, когда в 1519 году прибыл Кортес

История тольтеков, которая становится яснее, если читать ее в свете современных археологических находок, обнаруживается в «Летописях Куаутитлана»; позднее менее умозрительная литература и дальнейшие исследования и раскопки заполнили ее пробелы. Тольтеки ткали ткани из хлопка, и это означает, что они поддерживали связь с регионами с жарким климатом, поскольку хлопок не растет на высокогорных плато. Мужчины носили более плотные одежды в холодную погоду, а женщины одевались в свободные *уипилли* и юбки, обернутые вокруг тела. Воины тольтеков носили (как и ацтеки тысячелетием позже) доспехи из стеганой хлопчатобумажной ткани. Их оружие было такое же, как и у ацтеков; а их жрецы, как и жрецы ацтеков, ходили грязные, в нестираных черных балахонах, метя ими по земле. Тольтекские вожди одевались как простые люди, только их одежда была более тонкой работы, а браки были моногамными. В своих домах тольтеки строили паровую баню *темаскаль* – обычай, распространенный и у ацтеков.

Когда история тольтеков проявляется в окружающих ее мифах, она следует определенному шаблону. Некий жрец-звездочет вел их через Мексику до тех пор, пока люди не обнаружили плодородную долину. Там тольтеки построили свой город Толлан (или Тулу). Перечень

их царей в хронологической последовательности (вероятно, это повторялось нараспев веками) врезался в память так, что, когда в XVI столетии его повторили двуязычному писцу и записали на бумаге, он воспроизвел имена тольтекских правителей. В этой хронологии говорилось о влиянии тольтеков в период царствования их восьмого владыки, правившего всей землей между штатами Халиско на западе и Морелос на востоке, рассказывалось о сложных обрядах их политеистической религии и упоминалось о женщине по имени *Xochitl* (произносится как «шочитль»), которая ввела в обиход напиток, в настоящее время именуемый «пульке», подвергнув брожению сок американской агавы.

Подобно соперничавшим с ними племенам того же периода, тольтеки Теотиуакана обладали идеографическим письмом, племенными хрониками, книгами из бумаги *аматль*, которые в рисунках изображали их ошеломляющие исследователей представления о происхождении мира. Тольтеки также имели пятидесятидвухгодичный цикл, магический *тональпоуалли* («счет судьбы»), систему прогнозирования, основанную на периоде, насчитывающем 260 дней, и лунный календарь для повседневного пользования. И они построили вызывающий благоговейный страх храмовый город Теотиуакан.

Теотиуакан просуществовал приблизительно с 200 года до н. э. до приблизительно 700 года н. э. Период его медленного заката прослеживается в найденной здесь керамике. Она отражает постепенные перемены, которые происходили в племени, потерявшем свое политическое влияние, но сохранившем уважение других племен. Иное племя, чичимеки, вторглось на территорию тольтеков и захватило остатки «империи». Но их поглотил хаос, который последовал между 1100 и 1300 годами вслед за «веком культурного единства». Тем временем тольтеки, теперь ставшие переселенцами, основали два новых культурных центра – Тулу (Толлан) и Шочикалько.

Тула (около 700—1156 (около 1175. – *Ред.*) представляет огромную важность. Тула, которая когда-то считалась чисто мифологическим вымыслом, породив ироническое замечание у одного автора о «туманной науке антропологии и точном искусстве мифа», получила археологическое подтверждение. Очень большое сходство ее архитектуры с городами страны майя, и в особенности с городом Чичен-Ица на Юкатане, подтверждает путь тольтеков в эти края, проделанный ими в XII веке. Является ли эта Тула легендарным «Толланом», который, согласно описанию хрониста–священника Саагуна, был прекрасным городом «богатых дворцов из зеленого нефрита и белых и красных раковин, где початки кукурузы и тыквы достигали роста человека, где рос разноцветный хлопок, а воздух был всегда полон редкими птицами с драгоценным оперением...»? Если Тула – это Толлан, то восемь веков, прошедших с тех пор, совершенно изменили этот край. Теперь земля здесь сухая, выжженная, пыльная, и ни одной здравомыслящей «ценной птице» не придет в голову туда залететь.

Рис. 10. Тольтек-Теотиуакан был классической культурой долины Мехико. Он просуществовал приблизительно с 300 года до н. э. до приблизительно 700 года н. э. Символ Кецалькоатля – змеиная голова в гирлянде из перьев кетцалья (квезала) – принадлежит тольтекам

И тем не менее описание этого города не столь сказочно, как кажется на первый взгляд. Археологи обнаружили стены, покрытые замысловатой резьбой и росписью, ступенчатую пирамиду с остатками храма на вершине и символом Кецалькоатля – двумя каменными раскрашенными змеями высотой пятнадцать метров, которые служили «кариатидами» для изящных храмовых фасадов. Там были найдены скульптурные колонны для храма воинов; исполинские вырезанные из камня фигуры и этот скульптурный образ, который распространился дальше всего остального – полулежащая фигура Чак-Моола, безучастно глядящая в пространство и держащая каменный поднос, на который клали как пищу для богов трепещущие человеческие сердца. Точно такая же устрашающая фигура без каких-либо изменений будет вырезана и установлена в столице ацтеков, а другая окажется в тысяче километров восточнее, на Юкатане.

Шочикалько (около 700—1200), возникший благодаря тольтекам (или их влиянию), со своим знаменитым храмом Пернатого Змея, был построен приблизительно в то же время, что и Тула (около 700). Одинок раскинувшийся под солнцем поверх голых холмов не более чем в 30 км по прямой к югу от Куэрнаваки, он был одной из первых «руин», вошедших в литературу. Его исследовал Антонио Альсате в 1777 году, а рисунки, сделанные в нем, были опубликованы в 1810 году Александром фон Гумбольдтом.

Шочикалько, «город цветов», был церемониальным, а быть может, и административным центром для племен, которые жили в этом регионе. Занимая сильно укрепленную позицию, он расположен на самых высоких холмах и смотрит сверху вниз на два пресноводных, богатых рыбой и дичью озера, находящиеся в 3 км от него, и на плодородный край. Холмы были искусственно выровнены и террасированы для создания опорных пунктов на случай обороны. Четыре дороги с четырех сторон света вели к главной площади, где высится храм Кецалькоатля. Ацтекам он был известен и оказал на них свое влияние.

Таким образом, культуры на земле Мексики существовали уже за двадцать пять столетий до того, как ацтеки появились на свете как организованное племя (мы перечислили далеко не все). К тому времени, когда ацтеки заявили о себе (ближе к 1200 н. э.), волны этих более древних культур уже неоднократно набегали и откатывались назад, охватывая весь этот край, опустошая одна другую и в то же время создавая все разнообразные аспекты того, что мы называем цивилизацией.

Рис. 11. Тула тольтеков. Этот сказочный город к северу от Мехико, как предполагается, был выстроен между 900 (около 700. – Ред.) и 1156 (около 1175. – Ред.) годами, и правил им Кецалькоатль. Множество тольтекских архитектурных форм найдены в городе Чичен-Ица на Юкатане

И наследниками всего этого явились ацтеки.

Глава 2 НАРОД

Происхождение ацтеков

Ацтеки появились в Анауаке, долине Мехико, в 1168 году. Это событие, зафиксированное в их идеографических хрониках, было соотнесено с нашим календарем; никто еще не усомнился в этой дате.

Теночки-ацтеки были безземельными скитальцами, «нуждавшимся» племенем, пришедшим с севера Мексики (некоторые считают, что с территорий, которые сейчас находятся на юго-западе США, но этому нет доказательств). Их родным языком был язык науатль, на котором говорили и тольтеки. Ацтеки ничего не имели; они скитались по земле, то ненадолго поселясь в одном месте, то снова отправляясь странствовать и пытаясь отщипнуть краешек от чужих земель, пока не происходило вооруженное столкновение; после чего скитания возобновлялись. Дата «1168 год», безусловно, не говорит нам с уверенностью, что именно тогда началось заселение ацтеками Мексики, а всего лишь сообщает о том, что в то время, как полагает доктор Вайян, ацтеки, которые ничего собой не представляли с точки зрения культуры, начали пользоваться календарем, повсеместно использовавшимся уже на протяжении тысячи лет. Кто такие были ацтеки и откуда они пришли? Ответы на эти вопросы дают их мифохроники⁷. Подобно всем другим подобным мифам о своем происхождении, подобные истории отличаются в деталях, но не по основному содержанию. Инки вышли из пещер, грекам помог выйти из темного убежища божественный *autologos*; в христианских мифах в изобилии встречаются гроты, населенные божественным духом. Так и ацтеки. В какой-то пещере они нашли Мудреца Колибри, знаменитого Уицилопочтли (это имя испанцы так и не научились произносить и называли его Уичилобос – «ведьмоволк»). Этот идол дал им совет. Это был хороший совет: странствуйте, ищите земли, избегайте крупных вооруженных столкновений, высылайте вперед первопроходцев, пусть они сажают кукурузу, а когда созреет урожай, приходите и собирайте его; держите меня, Уицилопочтли, всегда при себе, несите меня, как знамя, кормите меня человеческими сердцами, вырванными из груди принесенных в жертву... И все это ацтеки выполнили.

Нам не известно даже приблизительно, сколько людей насчитывало племя мешиков-теночков, когда оно пришло в Анауак. Оно было очень маленьким: может быть, оно насчитывало тысячу человек, может быть, пять тысяч – вряд ли больше. По крайней мере, в таком густонаселенном регионе, как долина Анауак, они играли такую незначительную роль, что их появление на берегах озер прошло совершенно незамеченным, и нет никаких записей об их появлении в густых лесах Чапультепека на протяжении жизни поколения, жившего около 1250 года. Все это можно понять. Никто не считал «историческими» события, происходившие внутри других племен. История шла в вертикальном, а не горизонтальном направлении, в ней не было перекрестных ссылок. В течение этих «лет скитаний» ацтеки впитывали в себя культуру своих соседей. Их племя росло. У них появились враги. Ацтеки стали расширять свои владения. Так как в их кланах было слишком мало женщин, они стали прибегать к кражам женщин у других племен, и теперь их соседи во всей долине впервые узнали об ацтеках. Они подверглись нападению. Одна часть племени была обращена в рабство, другая спаслась на

⁷ Происхождение слова «ацтек» применительно к теночкам не является достоверным. По их словам, они пришли из какой-то сказочной страны Ацтлан, и по этой причине испанцы называли их «ацтеками». Совершенно точно известно, что до Конкисты они ни сами не называли себя так, ни их кто-либо другой.

одном из болотистых островков озера Тескоко. Те, кто остались, участвовали в войнах, которые вели захватившие их в плен люди. Во время этих войн они проявили такую храбрость, что, когда их спросили, какую награду они хотят, они попросили даровать им дочь вождя, чтобы с ее помощью создать уважаемый род. Их просьба была выполнена, но они принесли в жертву эту прекрасную девушку, содрали с нее кожу и надели ее на своего главного жреца, чтобы тот мог олицетворять собой богиню природы. Когда вождь пленивших их людей, отец девушки, прибыл к ним в великолепном наряде, он, естественно, ожидал, что будет присутствовать на свадебной церемонии. Вместо этого он обнаружил вышеописанное. Его гнев легко понять. Те теночки, которые спаслись в ходе бойни, которую устроили его воины, бежали и присоединились к своим соплеменникам на втором островке озера.

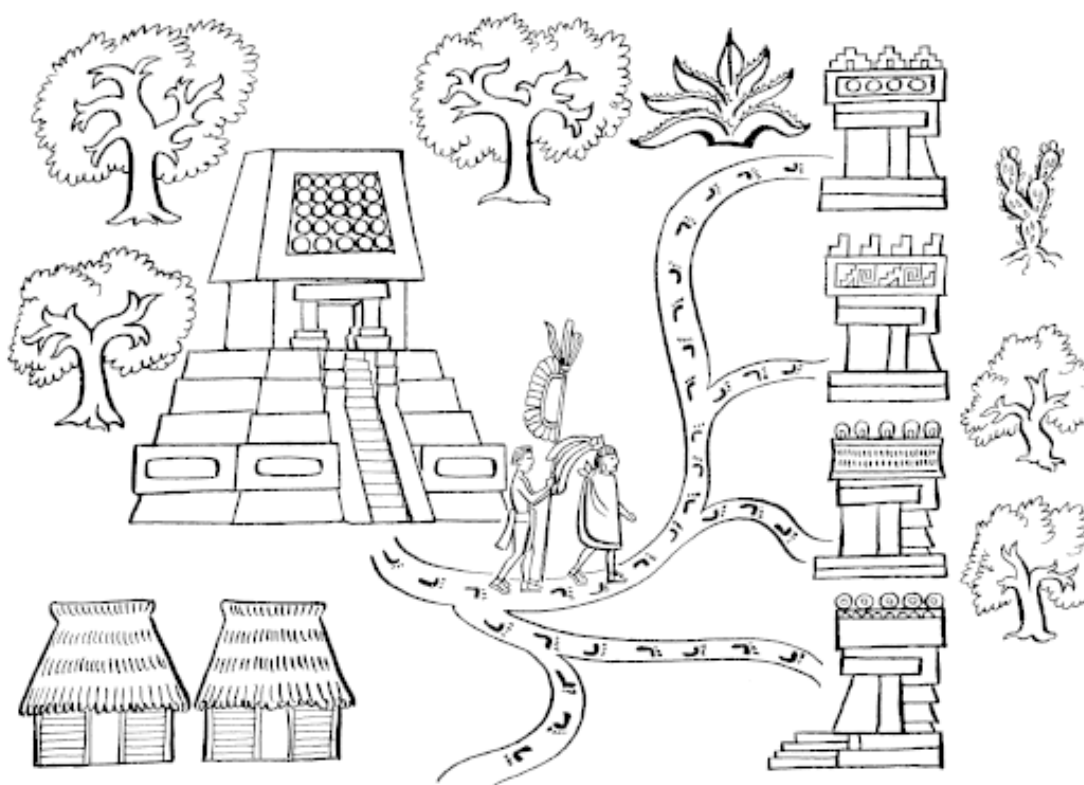

Рис. 12. Ацтекские храмы и дома; ацтекский правитель на пути к ним. Следы ног говорят о движении. Из ацтекского кодекса

Теночтитлан, островной город-государство, начал свою историю с 1325 года. Озер, на которых лежала зарождающаяся столица ацтеков и которые были такими же бесформенными, как свободно перемещающаяся протоплазма, было пять⁸. Они располагались в долине Анауак, которая представляла собой равнину, находившуюся на высоте около 2300 м над уровнем моря. С высоких заснеженных гор, окружавших ее, стекали бурные потоки, которые и наполнили эти озера – фактически одно озеро, имевшее около 80 км в длину, площадь поверхности около 1300 км², окруженное высокой и тонкой болотной травой. Озера были глубокими в одних местах и мелкими в других, особенно вокруг островков, на которых возник город теночков-ацтеков. Насущной необходимостью для них в тот момент было жилье. Сначала были построены мазанки с крышами из тростника и болотной травы. Позднее, в том же самом

⁸ Эти озера составляли части одного озера, и названий было пять: озера Чалько и Хочимилько были пресноводными; озеро Тескоко – солоноватое, а самые северные озера Халтокан и Сумпанго – очень соленые.

году (1325), ацтеки открыли свой первый храм. Вначале, по соглашению с племенами, которые обитали по берегам озер, они получили разрешение использовать пограничные земли для выращивания растений. Эту землю они расширили при помощи сельского хозяйства *chinampa* (чинампа). Метод состоял в том, чтобы изготавливать искусственные плавучие острова из ветвей и прутьев, отбуксировывать их к островкам, закреплять на мелководье и наполнять землей. В этих корзинах ацтеки выращивали свой урожай. Таким образом, Мехико– Теночтитлан был создан вручную.

С 1403 по 1455 год (третий ацтекский период) растущий город– государство, заключая союзы и ведя войны, переживая периоды спада и роста, преодолел примитивную ступень развития и открыл новые, более широкие культурные горизонты. После этого ацтеки оказались в центре событий на арене Мексики и стали главными действующими лицами, распоряжавшимися жизнью в долине Анауак и за ее пределами. Они расширили свои владения, как это делают все народы, как живет сама жизнь за счет других жизней и других народов; это справедливо, понятно и естественно.

Технические приемы развивались медленно. Обработка металлов шла из Южной Америки на север медленными шагами не напрямую, а через торговлю и появилась в Мексике приблизительно в XI веке. И хотя жители Центральной Америки были развиты во многих отношениях, у них еще не было колеса, ручной мельницы и тягловых животных. Мехико в 1519 году, по словам Берланда, «стоял на той ступени развития, на которой находились Шумер и Египет в 3500 году до н. э.». Однако это сравнение не совсем точное, и не все ясно.

В тот же самый исторический момент – это был 1100 год, – когда инки в Перу выходили из такой же неизвестности, чтобы превратиться в настоящую империю, ацтеки, движимые теми же имперскими устремлениями, постепенно становились владыками Мексики.

Таким образом, в промежутке между 1168 и 1521 годами мешики-теночки, которых называли ацтеками, добились своего.

Внешний вид

Основой общества ацтеков был простой индеец, *масеуалли*.

Несмотря на то что ацтек не был живым автоматом, как простой индеец в империи инков, где тот являлся лишь одной единицей из «пересчитанных по головам», он все же был рядовым, когда речь шла о каких-то работах. Слово «*масеуа*» произошло от слова «страдать» или «заслужить достоинство» – на самом деле он делал и то и другое. Он был членом рода и частью некоей ячейки, чего-то вроде общества взаимопомощи. Короче, это был трудоспособный индеец, плативший налоги. В первую очередь, он был фермером, или, говоря языком европейцев, крестьянином. Как весьма обоснованно выразился Освальд Шпенглер, это был «вечно существующий человек, независимый от всякой культуры... тот, кто шел впереди нее... пережил ее, это бессловесное создание, которое размножалось из поколения в поколение; род его занятий и способности были ограничены работой на земле; он обладал мистическим, простым, цепким и практичным разумом».

И все же этот простой ацтек был и чем-то еще. Он был еще и воином, частью народного ополчения, состоявшего из земледельцев. Подобно тому как обычный римлянин был работником и солдатом, так и в обычном *масеуалли* (множественное число *масеуальтин*) следует видеть крестьянина-воина.

Подобно большинству индейцев в Мексике, он был невысокого роста, от 153 до 165 см, коренастый, с крупной головой. Неутомимый, он с детства привык много ходить и мог нести груз весом 34 кг пятнадцать часов в день. У него были длинные руки и широкие ступни, пропорциональные его росту; ступни он ставил прямо, но имел склонность немного заворачивать носки внутрь; на рисунках ацтеков можно увидеть, что свод стопы у них был очень высок.

Рис. 13. Ацтекский крестьянин-воин масеуалли. Будучи простолюдином, он составлял основу ацтекского общества. Эти фигурки, перерисованные из «Кодекса Мендосы», демонстрируют две стороны его жизни: крестьянина и воина

Отличительным признаком внешности ацтеков были абсолютно черные глаза, прикрытые веками с кожной складкой, которая придает глазу миндалевидную форму. Волосы были темного цвета, жесткие и густые, но не на теле и лице. Ацтек был относительно безбородый, и растительность на лице считалась нежелательной, поэтому матери использовали щипчики, чтобы ее выщипать, и прикладывали горячую ткань для угнетения роста волос. Ацтеки были «безбородыми», хотя, по словам Кортеса, у тласкаланцев «имелись цирюльники для бритья бород». Другой выдающейся чертой на лице ацтека был крючковатый «римский» нос (хотя любой гражданин Римской империи был бы шокирован таким одиозным сравнением), который к старости вырастал еще больше. Цвет кожи ацтеков варьировал от темного до светло-коричневого; лицо могло приобретать свирепое выражение, и часто на нем можно было видеть немалое достоинство – с таким выражением лица они сражались или вели праздную беседу.

Ацтекские женщины были, естественно, ниже ростом, приблизительно 150 см, и более изящные. И все же это была обманчивая хрупкость. Детей они рожали быстро, часто прямо на кукурузном поле; они следовали за своими мужчинами в долгих переходах (еще в недавние времена женщины в мексиканской армии служили в квартирмейстерской службе сухопутных войск) и несли свою долю груза, неизменно включая младенца. Многие из них обладали замечательной внешностью – так считали испанцы, которые женились на них и находили их привлекательными. Донья Марина, «Язык», индейская девушка, которая помогла испанцам одержать победу над Монтесумой, была названа «прекрасной женщиной... весьма изящной».

Рис. 14. Кулинария ацтеков. Вверху слева камоти (сладкий картофель); справа находится каменный метатль, на котором размалывают зерно. Женщина готовит красный перец на жаровне кумаль, а в нижнем правом углу лежат только что испеченные кукурузные лепешки; они накрыты, чтобы сохранить их свежесть

Одежда у обычного мужчины была простой и практичной; один и тот же наряд носили и днем, и ночью. Все носили набедренную повязку (маштли), своего рода пояс, который пропускался между ног и закреплялся на талии, а два его конца свисали спереди и сзади и были обычно украшены. В этом наряде он совершал переходы, неся груз. Плащ (*тильмантли*) – в настоящее время он называется «манта» – представлял собой прямоугольный кусок тканой материи, который завязывали на одном плече; сначала его изготавливали из грубых волокон американской агавы (метль), а позднее, когда наладилась связь с тропическими регионами, из хлопка. Ацтеки не пользовались ни пуговицами, ни булавками. *Тильмантли* был ниспадающей одеждой и закрывал все тело, когда человек садился. Многие такие плащи часто были красиво сотканы, но об этом у нас имеется крайне мало сведений, кроме рисунков ацтеков и описаний, сделанных завоевателями-испанцами. Простой индеец обычно ходил босой, пока не приобретал вес в обществе; тогда он начинал носить сандалии (*кактли*), сделанные из кожи животных или же волокон американской агавы. У вождя, или полубога, они были из золота.

Прически были нескольких видов. Обычно волосы свисали спереди челкой, а сзади цирюльник обрезал их обсидиановым ножом – немцы называли бы такую прическу *Pagankopf* (голова язычника), – или волосы отращивали и заплетали в толстую косу. Во время войны прическу украшали двумя перьями индейки или орла.

Одежда женщин класса простолюдинов хоть и была одного покроя, но весьма разнообразной по цвету, рисунку и узору, так как ткачихами были главным образом женщины. Женщина носила нижнюю юбку (*куэйтль*) длиной до лодыжек, на которой часто была великолепная вышивка; находясь вне дома, женщина надевала поверх нее платье, похожее на пончо (*уипиль*). Оно представляло собой прямоугольный кусок ткани с разрезом, через который продевалась

голова, бока зашивали, но оставляли прорезы для рук. Таково прозаическое описание одного такого прекрасного по цвету и узору образца ткацкого искусства, обнаруженного на этом континенте, который Берналь Диас, бывший в то время впечатлительным, довольно молодым человеком (р. ок. 1492, ум. ок. 1593. – Ред.), назвал «богатым и великолепно украшенным». Свои сандалии, более легкие, чем мужские, ацтекская женщина надевала только в поездках или если этого требовало ее положение в обществе. Ее волосы, черные и блестящие, были длинными; в праздничные дни она вплетала в них ленточки и распускала волосы, находясь в доме. Когда женщина работала в поле, то волосы были собраны и обернуты вокруг головы. Косметикой пользовались главным образом женщины «привилегированных классов» или куртизанки (*ауи-аниме*) и даже иногда простолюдинки, когда их душу задевали товары на рынке. В их распоряжении были мази, духи и кремы.

Язык

Ацтеки говорили на языке науатль (произносится «на-уа-тль»).

Они не придумали его, не усовершенствовали, так как на этом языке уже говорили только теки, чичимеки и многие другие племена. Но науатль стал языком империи общения в Мексике и Центральной Америке (подобно тому как язык кечуа стал языком инков в Перу) после завоевания ацтеками одних регионов и благодаря ацтекским купцам, то есть торговле с другими регионами. А когда впоследствии этот язык был приведен к испанской орфографии, дальнейшее свое развитие он получил благодаря церкви, которая использовала его для перевода основ христианского вероучения в виде вопросов и ответов и других религиозных книг, расширив, таким образом, сферу его применения.

Науатль входит в групп науа, одну из восьми групп языков юто-ацтекской языковой системы. Он, особенно язык ацтеков, подвергся более детальному изучению, чем «какая-либо другая группа языков в Америке». Это было сделано главным образом благодаря покойному Б.Л. Хорфу, который не был профессионалом. Язык науатль является родственным некоторым языкам индейцев, живших на юго-западе материка (племен пима, шошонов, сонора), поэтому некоторые и считают, что ацтеки являлись воинственным племенем выходцев из этого региона. В Мексике насчитывается 700 языков; язык науатль, область распространения которого ограничивалась центральным плато, но была расширена вслед за завоеваниями ацтеков, принадлежит к одной из пяти больших групп, входящих в макросемью языков пенути. Его изучение очень ограничено, и люди, изучающие его, используют между собой и в своих публикациях технические термины, которые никогда не используются при обычном общении. Если неспециалисту доведется прочитать работу о «Происхождении суффикса – *тль* в языке ацтеков» (этот суффикс читатель будет часто встречать на стараницах этой книги), то он окажется точно так же сбит с толку, как и Алиса в Стране чудес, когда она увидела улыбку Чеширского кота.

Науатль – это живой язык. Тысячи людей все еще говорят на нем, на нем написаны книги и есть музыкальные записи; некоторые выдающиеся ученые Мексики разговаривают на нем; он очень живой и пластичный, что будет видно при рассмотрении классификации диких растений ацтеков (см. раздел «Лекарственные растения»). Этот язык был таким же сложным, как и идеографическое письмо ацтеков; на нем можно было выражать сильные чувства и писать стихи. И хотя первые испанцы посчитали суффикс – *тль* сбивающим с толку, знатоки в XVI веке, овладевшие этим языком, нашли его ясным и гармоничным, обладающим немалым запасом слов.

И хотя здесь нет места для того, чтобы обсудить грамматику языка ацтеков, мы отметили, что в нем было все то, что один автор назвал «языковыми правилами поведения за столом». Наша современная грамматика сложилась незадолго до начала Реформации; до этого царило

живое безразличие к синтаксису и правописанию. Поэтому так удивительно обнаружить какой-либо народ, каким были американские индейцы, столь далеко живущий от сети коммуникаций Старого Света, который создал язык с такой сложной грамматикой. В нем были производные слова и сращивания, «возникающие из контекста, и произношение безотносительно значения»; естественным результатом этого была агглютинация. Неизвестно, что добавили ацтеки к своему, доставшемуся им в наследство языку науатль, но тем не менее это добавление, вероятно, было существенным, потому что в результате их захватнических войн в ацтекский мир влился поток новых вещей, и у них должна была быть какая-то жесткая грамматика, чтобы принять их в свой язык при помощи личных и временных окончаний. Одной из первых книг, опубликованных в Мексике (в 1555 году), был словарь, составленный Мотолиния. Грамматики, катехизисы, переложения текстов с идеографического языка науатль на испанскую орфографию следовали век за веком, пока в настоящее время их не стало достаточно для серьезного изучения «литературы ацтеков».

Речь ацтекского *масауалли* была такой же земной, как и речь человека от сохи в любом другом месте; практичный и небрежный в разговоре, он строил свою речь, которая вырастала из необходимости, являющейся живой морфологией любого языка. Простые люди не придавали большого значения суффиксам, окончаниям лица, числа, падежа и рода; но в школах *кальмекак* Мехико-Теночтитлана, где обучали правильно говорить на языке науатль, исправляли ошибки в речи и расширяли словарный запас так, чтобы высокопоставленные лица умели должным образом говорить с богами или произвести впечатление на заезжих вождей; язык науатль здесь тщательно изучался. Так и должно было быть. Те информаторы, которые вместе с первыми испанцами занимались тем, что записывали разные тексты на языке науатль, *знали* грамматику своего языка. Будет достаточно такого примера: когда в 1529 году Саагун приступил к записи сохранившихся в памяти сказаний ацтеков, он, используя свою собственную орфографию, написал на языке науатль о солнце, главном боге года, так:

Tonatiuh [солнце] quautlevanitl
Xippilli, nteutl [бог]
Tone, tlaextia motonameyotia,
Tontoqui, tetlati, tetkaati, teytoni, teixlileuh,
Teixtilo, teixcaputzo, teixtlecaleuh.

Солнце, орел, огненная стрела,
Правитель года, бог
Озаряет, заставляет все сверкать, освещает все своими лучами.
Он дарит тепло, обжигает людей, вызывает у них пот,
Делает цвет кожи у людей темным, дает им загар,
Делает их черными, как дым.

На языке науатль можно было выразить многое небольшим количеством слов. И, несмотря на то что этот язык не был так широко распространен с географической точки зрения, как язык кечуа в Перу, распространившийся по тем же самым причинам, т. е. вследствие завоевания инками территорий от Чили до Колумбии, язык ацтеков проник достаточно далеко, от Мексики до Никарагуа.

Родовая община – сообщество ацтеков, совместно владеющих землей

Все – или почти все – древние общества коренных жителей Америки были демократическими.

Люди занимали определенное социальное положение, но классов не было. Землей владела родовая община, а не отдельный человек, и большинство решений принималось путем народного голосования, как, например, у индейцев с американских равнин. Или это делалось таким способом, который описал Тацит, рассказывая о принятии решений германцами в глубине своих лесов: «Когда народ должен принять решение, все занимают свои места, полностью вооружившись... затем всех призывают замолчать... и все слушают короля или вождя с вниманием, которое гарантирует им их возраст, занимаемое положение, воинские отличия или красноречие... Если предложение не нравится людям, то они криками выражают свое несогласие. Если они одобряют его, то стучат своими копьями».

Рис. 15. Чинампа, «плавучие сады», на которых велось сельское хозяйство на озерах Мехико. В огромные сплетенные из тростника корзины ацтеки насыпали землю, затем сажали деревья, закрепив «плавучий сад» при помощи кольев. Из таких «плотов» вырос город Мехико

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.